

ХРИСТИАНСКОЕ ЮРОДСТВО И ХРИСТИАНСКАЯ СИЛА

(К вопросу о смысле жизни)¹

*Истинно говорю вам: если
не обратитесь и не будете как дети,
не войдете в Царство Небесное
(Мф. 18:3).*

Несколько лет назад в нашем Религиозно-философском обществе мною был прочитан доклад о жизненном значении заповедей Христовых в понимании их смысла вселенской Церковью и человеческой совестью. Тогда моей задачей было показать, что учение Христа — истинный свет нашей жизни, залог жизни лучшей, совершеннейшей, радостной и свободной. Сегодня я буду говорить на ту же тему о жизненном значении слов Христовых как залого такой именно жизни. Но сегодня я буду говорить об этом несколько в иной плоскости, характеризовать уже не самые заповеди, но наш человеческий путь жизни по этим заповедям, говорить о том, что можно назвать смыслом христианской жизни в мире.

Вопрос о смысле жизни имеет одно удивительное свойство: он безусловно во всякое мгновение жизни уже решен каждым, кто живет и что-либо делает; но в то же время этот самый вопрос бесконечное число раз перерешается при каждой смене настроений, при каждой перемене дела. Величайшие умы человечества, умы, перед которыми преклонился мир, решали этот вопрос для себя и для других. И однако, эти ответы не заглушали личного искания, личного спрашивания. Все ответы мировых авторитетов разделялись на две группы. Первая группа ответов была ниже запросов человеческого ума и совести, и последние перерастали постепенно своих учителей. Другая группа давала такой ответ на вопрос о смысле жизни, который, бесспорно, отвечал высоким запросам нашего духа, но ставил перед последним такие задачи, открывал перед ним такие необъятные горизонты, что сам-то человек чувствовал себя бесконечно малым и незначительным, не мог смотреть на свою жизнь иначе, как на что-то случайное, малоценное. Самый пафос расстояния между истиной и нашим знанием, между идеалами и жизнью не столько мог воодушевлять человека, окрылять его душу в стремлении к вечному и истинному, сколько ослеплять духовный взор, угнетать сердце и совесть изображением прекрасной дали, вечно недостижимой, всегда холодной...

Только религии в своих ответах на вопрос о смысле жизни ближе касались внутреннего мира человека, самой его души. Конечно, и религии в истории разделяли судьбу величайших философских авторитетов. Эти религии говорили людям от имени Бога, но нередко те же человеческие ум и совесть перерастали своих религиозных учителей и руководителей. Но, во всяком случае, только ответы религий пленяли сердца и волю широких групп человечества и были светочами на их пути. Великое преимущество всех религиозных ответов было в том, что они ставили самого человека в личное и живое отношение с бесконечным или, во всяком случае, неизмеримо высшим существом, благодаря чему ограниченный и слабый человек чувствовал в себе печать высшей силы и питал сознание высшей ценности своей жизни. Религии, и лишь они, властно вели человека на путь умиротворенной совести. Но и на этом пути еще ужаснее было пробуждение сознания условности и ограниченности мнимо Божественного откровения, ошибочности и бесцельности указываемых им путей. Слепая вера была чересчур дорогой ценой за тот душевный мир, который возвещали различные религии, и разочарование несло ужас не в отдельные только сердца, но порой этот ужас охватывал целые эпохи и громадные группы человечества.

Так было в истории. Авторитеты величайших мыслителей сменяли друг друга, авторитеты различных религий оспаривали друг у друга право на непогрешимое решение вопроса. И оставался одинокий человек со своим ограниченным умом и совестью среди всей человеческой мудрости и среди религиозного шатания и нередко терял веру в самую возможность решить вопрос о смысле жизни, или же пассивно подчинялся господствующей традиции, лишь бы самому не искать и не добиваться того, к чему вечно стремились и никогда не находили покоя мятущиеся умы людей и жаждавшие правды сердца их.

И велика была сила рутин и жажда покоя во все времена. Тысячи и миллионы людей от одного призрака внутренней борьбы слепо подчинялись великому кумиру, называемому духом времени, закрывали на все глаза, ограждали сердце от ударов в него волн сомнений и далеких голосов, говорящих о надземных идеалах. Не будет, думается, клеветой на человечество сказать, что ответ на вопрос о смысле жизни нередко состоял в том, чтоб убить, заглушить в корне страхом ли, насмешкой ли или другим чем самый вопрос о смысле жизни. Широкие мас-

сы бессознательно делали то, что в наши дни с такой откровенностью поставил задачей будущего человечества Мечников в своей надежде через успех естественнонаучного знания упразднить, исчерпать самый источник бесконечных вопросов — зачем и для чего жить.

Но ни ослепление авторитетами, ни страх перед призраками плавания в безбрежном море, ни засасывающая рутина обыденной жизни не были достаточно сильными на протяжении многовековой истории для того, чтобы заглушить внутренний голос тревожного ума и совести человека, спрашивающий о смысле жизни. Порою вопрос “зачем я живу” и “так ли я живу” заглушал все другие интересы человеческого существования и требовал ответа с такой настойчивостью, перед которой все было вынуждено отступить на второй план, все казалось неважным, ненужным. Картины отдельных трагедий душевной жизни — это только поражающий сознание показатель того, как важно для человека решить вопрос о смысле жизни, если только он возникает в глубинах его души. А вся история многовековых исканий и заблуждений человечества свидетельствует о широте его запросов. И последние не умолкают совершенно даже тогда, когда найдено авторитетное слово, решающее вопрос о смысле жизни, когда искренно принято известное религиозное исповедание. Жизнь становится осмысленной лишь в том случае, если общее сделалось и моим частным, если слово внешнего авторитета стало и моим внутренним достоянием, если религиозное откровение озарило жизнь моего сердца. Только тогда слепая вера сменяется убежденной, внешнее преклонение по мотивам страха и тревоги сменяется поклонением в духе и истине.

Индивидуум, эта ничтожная песчинка бытия, поднимается в своем сознании на высоту собеседника с Богом, дерзновенно спрашивающего о Его путях в мире и борющегося с Ним за свое понимание правды жизни. Человеческий разум и совесть, не пригнетенные до степени отказа от самой своей природы, противопоставляют себя всем земным и небесным авторитетам, судят их своим внутренним судом. Тяжелая борьба постоянно предшествует благоговейному преклонению, и величайшее смирение не может и не должно подавлять чувства сыновней смелости, спрашивающей у Отца света о настоящем имени жизни.

Так вообще в религии, так особенно в отношении человека к христианству и к его слову истины. Не усыпить личную совесть пришел Христос Спаситель, открывая человеку путь в жизнь, но, напротив, пробудить все духовные силы человека, побудить его не зарывать талантов в землю, не быть трусливым и безответным рабом перед своим Господином, но с сыновней свободой работать на ниве и в винограднике своего Отца. Бог захотел свободной любви человека, самого глубокого, искреннего общения с Ним. Христос для каждого верующего — путь, истина и жизнь. Перед Его лицом, явленным миру, стоит христианин, Его любовью живет, Его благодатью питается, в Его свете видит свет жизни. Но к Нему же несет свое горе и радость, свои тревоги и сомнения, свой восторг и свой ужас от жизни.

И потому именно, что Христу нужна была свободная любовь человека, Он не мог пожелать ни легионов ангелов для защиты Своего дела и Своей жизни, ни внешнего крушения тех идолов, которым до Него служило человечество и после Него продолжает служить. В мире неизменно остается много богов и много господ, зовущих на служение себе человека. Если Христос говорит: “Придите ко Мне”, то с таким же призывом обращаются к человеку и все другие владыки, почитаемые на земле; если Христос пленяет сердца, указывая высочайшую и святую цель жизни в общении с вечным светом любви Отца, то от этого не потеряли своей привлекательной силы все те цели жизни, какие всегда господствовали над сердцами людей. Христианин также стоит перед всеми этими головами, призывающими к жизни во имя той или другой ценности, так же колеблется, как каждый человек, так же спрашивает себя: во имя чего жить и как жить. И так до тех пор, пока свободно не придет ко Христу и так же свободно не отвергнет всех других богов.

Но и здесь еще далеко не конец внутренней работы духа, не конец томления души. Пусть жребий брошен, пусть избран один путь жизни — путь Христов, пусть ему отдано сердце человека. Но самый путь этот никогда не может быть таким легким и просторным, как все другие пути, — пути, ведущие в погибель, по слову Христа, но такие соблазнительно близкие человеку, такие привлекательные, такие проторенные. Путь Христов остается и доныне узким, как узки и неприметны врата, ведущие в Царство Христово. И на этом узком пути еще воздвигаются перед сознанием нашим великие преграды, каких нет на других путях жизни и которые до тех пор заполняют душу смирением, пока не будет пройден весь путь до конца. В самом деле, от христианина требуется отказаться от себя, оставить все позади себя и не оглядываться назад, делать свое дело на ниве Господней и не служить богам иным. А сердце обуреывается множеством соблазнов, воля постоянно слабеет в борьбе, и разум всегда с трепетом видит, как ничтожна и мала моя личная работа в саду Господа. Уже вечер жизни наступает, а ясно лишь одно, что все лучшее и святое осталось недостижимым, мечты не сбылись, надежды не осуществились. И сознает себя христианин всегда недостойным своего Господина, и даже те, которые вызывают удивление у других своей работой на ниве Господней, готовы, умирая, сказать, подобно Соловьеву, страшные слова: тяжела работа Господня. И эта личная неудовлетворенность, эта личная тревога: так ли я живу и то ли я делаю, — они лишь часть небольшая сомнений и тревоги души при думе о смысле жизни в мире. Ведь на ниве Господней не один человек работает, но вместе со всеми своими братьями; и не день один длится эта работа, но уже многие века. И когда человек от себя обратится к другим, то всюду видит те же колебания и борьбу, ту же нерадивость. Когда диавол искушал Господа и показал Ему все царства этого мира, то уверенно сказал, что все они принадлежат поклоняющимся ему,

сатане. И когда верующий в наши дни отрешится от всего близкого и посмотрит на царства этого мира в широкой перспективе, он не сможет не сознать, что мир и до сих пор во зле лежит. Видя добро поруганным, встречая всюду торжество насилия, смех победителей и слезы угнетенных, нищету и безобразие добродетели и роскошь нарядного порока, чье сердце не смутится и чья совесть не обратится к Богу своему с вопросом: "Почему и доколе, Господи?" Почему всегда гонимы ищущие правды жизни, почему всегда нищи богатые духом, почему слезы и скорби — удел любящего Христа в самом Царстве Его? Почему века исповедания христианства не приклонили неба к земле, почему жизнь ее осталась точно не согретой любовью Христа и мир не побежден Его оружием любви и правды?

Так и христианин стоит перед загадкой и тайной жизни, спрашивает о них Бога своего и не находит покоя души, пока сердцем своим не примет слова Евангельского в юродстве и силе его. Об этом юродстве и силе и будет речь моя сегодня, и, конечно, не как слово учителя жизни, но как одного из множества стоящих перед ее лицом с Евангелием в руках и ищущих ответа на волнующие вопросы о смысле христианской жизни и работы в мире.

I.

Если попытаться кратко выразить, в чем прямой и несомненный смысл жизни христианина, то можно сказать, что этот смысл заключается в соработничестве человека Богу, в служении делу созидания Царства Божия на земле. Призванный волею Божией работать в этом мире, христианин, конечно, имеет и право, и долг быть гражданином двух царств, участвовать в жизни здешнего царства, "мира сего", не теряя права сознать себя сыном неба, подданным великого Царя. Соотношение этих двух областей тоже ясно: "должно повиноваться больше Богу, чем людям" (Деян. 5:29), можно быть участником общей жизни настолько, насколько через это не совершается практическая измена Богу, не нарушаются законы жизни Его Царства. Получается прямой и ясный ответ на вопрос о смысле христианской жизни: жить в этом мире по законам Божией правды, и в слове, и в деле являться ее вестником, мужественно бороться с соблазнами жизни, свои печали и заботы возлагать на Бога, немощи и грехи свои очищать Его святостью и Его любовью.

Так жили первые христиане. Распяли люди Христа, убили Его учеников, гонимы и преследуемы были те, которых весь мир не был достоин. Все было ясно и просто: нужно было или принять Христа и Его безумную с точки зрения мира и преступную проповедь, или отвергнуть Христа и жить по законам тогдашнего мира. Теперь жизнь бесконечно осложнилась. Вся Европа уже признала себя царством Христа, а победа Евангелия в других странах — вопрос, верится, лишь времени. Трудно нам, современникам, судить о своей эпохе. Одни из нас верят в прогресс, готовы верить, что века истории приблизили к нам Царство Божие видимым образом; другие в такой прогресс не верят и думают, что все успехи культуры далеко еще не выражают прогресса собственно христианского. Лучше, поэтому, оставить область спорного и гадательного и обратиться лишь к настоящему мгновению истории, независимо от его отношения к прошлому. И если о настоящем мы скажем, что велик, безмерно велик разлад между Евангелием и нашей жизнью, мы убеждены, что такое утверждение не может вызвать возражений. Чтобы не видеть режущего разлада между устоями современной культуры и заветами Христа, между бытом нашим, укладом всей нашей жизни, даже еще более: каждым шагом ее, и волей Христа; чтобы не видеть этого, надо вовсе закрыть глаза, забыть о Евангелии и в одном искать утешения: как все, так и я. Говорить на тему о противоречиях между устоями современной жизни и евангельскими заветами — тема настолько же легкая и благодарная, насколько и достаточно ясная для сознания каждого. Поэтому распространяться не буду, но попытаюсь сделать выводы из того несомненно очевидного соотношения, в каком находятся в наши дни, как и ранее находились всегда, начала жизни культурного человечества с началами жизни по Евангелию.

Как осуществить теперь, в наши дни, назначение христианской жизни в мире, как быть гражданином мира, не теряя права на сыновство Богу? Здесь душа задыхается в безвыходных, по-видимому, противоречиях. Если посмотреть на современное христианское человечество в целом, то бесспорно, первая, наиболее очевидная мысль, являющаяся при таком взгляде, та, что теперешнее христианское общество вовсе чуждо Евангелию. "Если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы, и порядки жизни нашей, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас, потому что мы идем такою дорогой, как будто решили идти против Него". С таким суждением о жизни своих современников выступал на церковной кафедре полторы тысячи лет назад великий учитель Церкви. И без сомнения, нужно думать, что совесть его слушателей при таком обращении пережила то же, что переживает и наша, когда стоит эта совесть перед вопросом об отношении между Евангелием и нашей жизнью: виновны мы перед Евангелием, которое на словах называем книгой жизни, постоянно изменяем своему Господину и служим богам иным. Все и во всем перед Ним виноваты. Евангелие остается неизменно посторонней книгой, читаемой в церкви, в минуты душевного подъема, но не книгой, написанной на сердцах людей; Сам Христос представляется также не близким, а далеким, чудным, прекрасным, но словно нет Его посреди нас. Собираются во имя Его не двое только или трое, но тысячи, и все же не чувствуют Его посреди себя, с томлением души спрашивают, где Он, где Церковь Его. А люди — братья: разве не насмешкой звучат для нас самые слова о братстве современных христиан? Не только теперь, когда христианский Запад дал такое ужасное доказательство взаимной ненависти и непонимания, но и никогда наша эпоха не давала даже повода для

веры в жизненную силу великого начала братства людей как детей одного Отца. Целые области умирали от голода, миллионы не имели крова и одежды, тюрьмы не вмещали заключенных, и никто не видел в страдающих самого Христа и не отдавал им до конца любви своей.

Но и этого мало. Если сказать, что душа, раз приблизившаяся к живому Христу, легко мирится с такой жизнью, с такой ежеминутной изменой Христу, то сказать это значило бы мало знать душу человеческую, пробужденную небесным вестником. Скучные песни земли не могут заполнить ее жизни, звучат в ней призывные голоса из другого мира, светит ей иное солнце. Не раз и не один человек, задыхаясь в атмосфере нашей лживой и злобной жизни, изнемогая под тяжестью цепей всех заповедей человеческих, "приходил в себя", вспоминал, что есть "дом отчий", и говорил в душе своей: оставлю все, пробужусь от этого сна, от этого призрака жизни и пойду к Отцу моему, возьму бремя Спасителя моего, запрягусь в Его иго, в Его ярмо, буду работать на Его ниве. И здесь ждало человека новое испытание, еще большее затруднение. Раскрывались перед ним все царства земли, ясным был весь быт, все обычаи народов, называющих себя христианскими, изучены были, казалось, все пути жизни человеческой, но не проторенной оставалась одна дорога, которой прошел по земле Сам Христос и по которой призывал идти людей. Хотел человек идти к Отцу своему, а дороги точно не было. Много путей жизни всегда перед глазами: и широких, удобных, и трудных, узких. Знает человек, что много препятствий и случайностей ждет его на каждой почти мирской тропинке; но все же самая эта тропинка ясна ему, и если цель пленяет и манит, не страшны трудности, не боится человек ни риска, ни опасности. Но где среди этого множества дорог путь христианский? Где Царство Божие? Оно неприметно. Как в личной жизни нет рецепта для того, чтобы создать святого, так и в жизни мира нет иных вех на пути к Божию Царству, как Евангелие и совесть самого человека. Последняя знает, что можно быть первым в мире, называющим себя христианским, и последним перед лицом Христа, что даже большей частью высокое в глазах людей — мерзость в очах Божиих. И остается верующая душа в мире перед своим Спасителем, сознавая свое ничтожество личное и свое бессилие перед лицом мирового зла. Века исповедания христианства не сокрушили этого зла, не изменили законов и обычаев мира. Были тысячи мучеников за Христа, но не за ними пошел мир, а за миллиардами мучеников мира, по глубокому образу Толстого, пошел и понес на служение "миру", а не Христу, все свои силы, всю свою жизнь: и свободу, и радость, и все дарования свои и всю любовь свою. И так как на стороне миллиардов великое число, и сила, и слава, то не было даже недостатка в учителях, вещавших от имени Евангелия, что наша злая и лживая жизнь и есть жизнь истинная, жизнь христианская... Дремала совесть. Минутами радовалась Христу, годами служила врагу Его. А те, которые думали жить по Евангелию, те были смешны и не нужны, те были всегда, как и в дни ап. Павла, *"как сор для мира"* (1 Кор. 4:13). И чувствовала себя пробудившаяся душа, заговорившая совесть совершенно одинокой и совершенно бессильной. Возникал роковой вопрос: зачем жить и как жить, если Господь *"медлит"*, если зло царит, если борьба с ним, видимо, бессельна и даже еще хуже: служит самому торжеству зла. Да, именно так. Не страшно быть раздавленным силой, когда сознаешь свою правоту, когда веришь, что хоть каплю свою вносишь в море Божественной жизни в мире. Когда христианина распинали или сжигали за исповедание веры, он мог петь торжествующие гимны, потому что не мог не верить, что кровь его содействует возрастанию семени святой жизни в мире. Но теперь, — да и давно уже, а не теперь только, — теперь далеко не то. В наше время никто не будет распинать за исповедание христианства; все глубже и глубже человечество проникается уважением к началу религиозной свободы; все шире и шире на земле распространяется имя Христа как учителя человечества. Дела, быт, законы, уклад жизни остаются все те же, но слова — другие. Восстань во имя Христа против обычаев мира, и миллионы раздавят тебя, не люди даже, а этот самый быт, весь уклад жизни раздавит, — и не как героя, не как мученика за Христа, не как преступника даже, а просто как человека, неспособного к жизни, ненормального, чудака, самодура.

В самом деле, представьте себе человека, который захотел бы лично исполнять заповеди Евангелия и притом в такой области, где ему не пришлось бы столкнуться с общегосударственным запрещением следовать Евангелию в жизни. Подумайте о судьбе человека, который бы, давая всякому просящему, раздал свое имущество. Если такой человек получает жалованье раз в неделю, в месяц, то, по раздаче полученного, неминуемо возник бы вопрос, что сам он будет есть: или голодать, или просить у других самому. Если известный человек имеет только деньги, но не имеет ни разума, ни сил их заработать, то, исполняя прямую заповедь Евангелия, он ставит на всю свою жизнь видимо неразрешимый вопрос: что сам я буду есть? Так в области материальной культуры человек неизбежно сталкивается с двумя законами жизни: волей мира, законами капиталистического строя жизни, и волей Христа. Исполните одну лишь евангельскую заповедь: *"Всякому, просящему у тебя, дай"* (Мф. 5:42), и вы окажетесь в положении отщепенца в "мирской" жизни. Что заповедь эту исполнять нужно, это всегда сознавал каждый совестливый человек, как ясно это было всегда и сознанию Церкви? Пока есть в мире голодные и холодные, до тех пор христианин не только не может быть богатым, но и каждая копейка будет тяготить его душу сознанием недостатка любви в отношении нуждающихся. Так на каждом шагу и со всей несомненностью выступает несоединимая противоположность законов современной материальной культуры и высших требований совести, выражаемых заповедью Евангелия. Или еще пример из области человеческих отношений. В Евангелии сказано: *"Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую"* (Мф. 5:39). Когда Мышкин в "Идиоте" приводит к глубокому раскаянию человека, ударивше-

го его, то это, конечно, истинное пробуждение совести, всегда возможное, но далеко не необходимое. Можно и еще удар получить, и не один, а изо дня в день; и не одному лицу, а целому классу людей. Удел всех рабов быть избиваемыми физически и духовно: и так как наше время знает такое же множество форм рабства, как и прежние времена, то и бьют рабов на наших глазах. Тысячи, миллионы рабов вечно избиваются; подставляют щеки, и бьют их по лицу. А Евангелие строго определено говорит: *“Не противься злему”* (Мф. 5:39).

Едва ли нужно еще приводить примеры в доказательство того, насколько противоположно учение Евангелия устоям жизни христианского человечества, насколько жалко и смешно положение человека, желающего только попытаться жить по Евангелию среди исповедующих его на словах. И все это я говорю не для того, чтобы кого-либо упрекать, и не для того, чтобы терзать души людей сознанием разлада между жизнью нашей и словами Христа. Кого жизнь не терзает, кого совесть не гнетет, покоя того, конечно, не возмутит мое слово. Нет, отмечаю все это лишь для того, чтобы показать глубочайший источник христианских сомнений и колебаний при исполнении работы Господней или, что то же, при реализации в жизни того, что признается единственно сообщающим ей смысл. Внутренний корень сомнения, переходящего в ужас, в том, что христианин чувствует себя одиноким, даже почти исключенным из числа нормальных людей, как только он пожелает идти за Христом. История сохранила немногие имена таких людей, которые исполняли заповеди Христа в мире. Это, прежде всего, апостолы и вообще первые христиане, которых гнали и били все, кто этого лишь хотел. Затем юродивые Христа ради. Немного их числится в святцах наших; много о них рассказывается такого, что точно прямо говорит о некоторой их душевной неуравновешенности. Но при всем том этот именно тип святых примечателен в одном отношении: они являются во всем своем невзрачном виде, оборванные, грязные, голодные и холодные, — являются живыми иллюстрациями того, к чему приводит последовательное проведение в жизнь евангельской святой буквы: *“Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?... Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них... Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам”* (Мф. 6:25, 26, 28, 29, 34, 33). Граф Толстой рисовал прекрасные и бесспорные картины того, как все это действительно приложилось бы к людям, если бы они оставили злые пути жизни и пошли по светлomu пути, возвещенному Евангелием. Если бы оставили и пошли... Но не оставляют и не идут. Толстой прожил много лет, видел плоды тридцатилетней своей проповеди и только все глубже и глубже сознавал свое духовное одиночество и свое личное бессилие. И кончил тем, чем жили юродивые: безумием с “мирской” точки зрения. Посмотрите внимательно на исторических юродивых, этих удивительных людей, которые и в святцах занимают самые невидные места, и в “обществе” вызывают одну лишь улыбку. Каждое учение, каждая программа доказывает свою силу и слабость, свою пригодность или непригодность не иначе, как в жизни, на практике. А юродство в истории — это и есть реализация, последовательная и искренняя, отдельных евангельских заветов.

О чем говорит история, о том же говорит и жизнь в наши дни. “Божии люди” всегда существовали и существуют, всегда нашим народным сознанием почитались и почитаются. Пусть эти “Божии люди” в громадном большинстве не оправдывают своего имени. Но самое религиозное чувство, влекущее к ним, самое сознание того, что в юродивых можно видеть людей, идущих по Христу, — это чувство и это сознание не обманывают. В нашем издании “Волны Вечности” встречается поразительно удачное определение “Божиих людей”: *“Это те, — говорит составитель словами Апокалипсиса, — которые идут за Ангелом, куда бы Он ни пошел”* (Откр. 14:4). Таковы и христианские юродивые. Совершенное самоотречение — всегда признак любви глубокой и искренней. Любовь, конечно, может быть разумная и неразумная, и выражение ее — нелепое. Но если даже и допустить, что грязь и ломотья юродивых — только исторические детали и существа дела не касаются, то все же самое юродство имеет в христианской перспективе более принципиальное значение, и можно решительно сказать, что без юродства нельзя быть христианином.

Сошлюсь для пояснения своей мысли на Достоевского. Он, по-видимому, не раз ставил себе задачу изобразить христианского святого в обычной обстановке нашего быта. Наиболее подробно изображен тип такого христианина в лице князя Мышкина в “Идиоте”. Этот Мышкин есть единственный убежденный христианин среди всех лиц, выведенных в рассказе. Этот же Мышкин и “идиот”. Болезненная чуткость и нежность души делали из него как бы врожденного христианина. Ум у него ясный и острый, сердце великое. И при всем том это самый подлинный тип юродивого, на самых привычных поступках которого ясно сказывается, насколько “безумно” учение Христа, если пытаться реализовать его в жизни, и как бессилен человек в своем делании. Реализм Достоевского привел его неизбежно к тому, что роман закончился не победой добра над злом, но полным крушением всей жизни Мышкина, его личным безумием и еще большей путаницей, внесенной им в жизнь нормальных людей.

Так выступают перед нами примеры исторических юродивых и один из художественных образов юродивого в обычной обстановке нашей жизни. А теперь, если поставить более общий вопрос, не замечается ли некоторая связь между глубокой религиозностью, — именно практической, обнаруживаемой в жизни и на деле, — и некоторой душевной “неуравновешенностью”, то, лично мне кажется, можно лишь утвердительно ответить и на этот во-

прос. О чем же говорит это? Все об одном и том же. Жизненное “равновесие” теряется тогда, когда у человека ослабевают точки опоры. И как же может душа не потерять равновесия, если раз лишь один у нее откроются глаза на зияющую пропасть между словом и делом, верой и жизнью. Все жизненные устои начинают шататься, если к ним подойти с Евангелием в сердце, почувствовать себя одиноким, оторванным от жизни, бессильным и ненужным.

Вот это, как мне думается, и есть первое и великое препятствие на пути к осмысленной христианской жизни в мире: нужно обезуметь, чтобы жить в мире по законам Божьего Царства. Можно сказать, что степень такого безумия измеряется степенью преданности Христу, степенью отрешенности от себя и от всего “мирского”, и не в монастырском смысле, когда тщетно пытаются создать новый мир, но в обычном, будничном смысле, когда жить хотят по-Божьему. И здесь нужно настойчиво подчеркнуть, что речь о юродстве как пути христианской жизни в мире не является измышлением чьей бы то ни было богословской фантазии, но это есть то, что описано и предсказано Евангелием, как и всем вообще новозаветным Откровением.

Не раз христианству делали упрек в пренебрежительном и даже враждебном отношении к разуму и знанию. Насколько при подобных упреках имелись в виду наши познающие силы, настолько упреки эти являлись результатом непонимания христианства. Но когда приходится говорить о разумности и осмысленности жизни по оценке ее как дохристианского мира, так и теперешнего, то со всей несомненностью открывается “безумие и юродство” учения Христова, упразднение этим учением “мудрости” мира. О Христе говорили близкие к Нему люди, что Он “вышел из себя” (Мк. 3:21), что Он душевно ненормален. Пилат посмеялся над Царем и Царством Истины. И только один разбойник уверовал в Царя на кресте. Христос Спаситель не был “юродивым” в церковно-историческом смысле слова, образ Его был гармоничен. Но Он также был “не от мира”, и за это ненавидел мир и Его Самого, а после Него и всех Его учеников, как Сам Он сказал (Ин. 15:18–19). Ненавидел и всегда будет ненавидеть. Своим ученикам Христос предсказал изгнание, страдание и смертную казнь. Исполнилось все это в жизни учеников, и последние выразили еще более страшную уверенность, что *“все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы; злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле”* (2 Тим. 3:12–13). И ученик Христа не может не знать, почему неизбежно так бывает. Потому, что только тот, кто умалится, как дитя, может принять Царство Небесное. Умалится, сделается кротким, незлобивым, чуждым всякого вида насилия и гордости, а “мир” будет всячески бить и поносить это добровольное дитя. Умалится, как дитя, доверчиво отнесется к заповеди своего Господа и Учителя, пойдет по узкому пути в “жизнь” и неминуемо покажется всем безумным, юродивым. Глубоко почувствовал и пережил это ап. Павел. *“Христос послал меня... благовествовать не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну... Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих... Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира, и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом... Нам... Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира... Мы безумны Христа ради..., мы немощны..., мы в бесчестии... Терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся... Гонят..., хулят нас... Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне”* (1 Кор. 1:17–19, 21, 27–29; 4:9–13). Так в жизни апостола оправдались его же слова: *“Кто... думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом”* (1 Кор. 3:18–19). И одинаково несомненно, что как мудрость мира в понимании им смысла человеческой жизни и сущность бытия была безумием с точки зрения христианского взгляда на жизнь, так и обратно: последний должен был казаться безумным в глазах обычного суждения о жизненных ценностях.

Ясно обозначается несоединимая противоположность Евангелия и мира, а с этим вместе и путь христианской жизни представляется таким же узким и трудным, как в первые дни евангельской проповеди. И невольное смущение, больше того, неизбежный ужас охватывает всю душу, и разум, и сердце, когда вдумываешься в существующее отношение Евангелия и жизни. Ужас этот и это смущение в том, что Христос учил людей, как жить свободно и радостно, как вместо удручающего одиночества и озлобленности жить в любви со всеми, жить полной жизнью, бодрой, радостной. Первые христиане и жизнь свою отдавали, чтобы кровью своей полить семя нового жизнепонимания. А прошли века, чуть не весь мир признал путь, возвещенный Христом, спасительным, а истинно идти по этому пути значит обезуметь, терпеть скорби и лишения. Христос жизнь и радость принес миру, а удел учеников Его — печаль и страдания, неизбежные скорби. Именно неизбежные. Достаточно лишь вспомнить, что христианство есть религия любви, чтобы понять, что пока в мире существует горе и страдание, до тех пор они всегда будут уделом всякого неличемерного слуги Христова в мире. Следующие за Христом не могут быть богатыми в мире, пока царит в нем нужда и нищета; христианин не может быть беззаботно веселым в мире, когда всюду в нем слезы и болезнь. Гордым не может быть христианин, потому что всякий недостаток в любимом является источником не радости, но скорби; мстительным не может быть христианин, потому что тогда он отпадает от общения со своим Спасителем; насилием не может действовать последователь Христа, потому что в этом случае не по Его стопам пойдет он в своей жизни. А без всего этого, без богатства, без пресыщения, без самодовольства, без гор-

дости, насилия, мести, — без всего этого, что достанется в удел христианину, если не скорбь и лишения? И оказывается, снова повторяю, что заповеди Христа — свет и жизнь, путь Его — истинно царский, истинно светлый. Но пока идут по этому пути лишь немногие, для них он является неизбежно скорбным, жизнь их всегда полна лишений, невзгод и постоянной тревоги, постоянного сознания личной ответственности за жизнь и счастье других.

Таков путь христианский. Нужно обезуметь, чтобы жить и в наше время по заветам Христа; нужно отрешиться от себя, нести тяжелый жизненный крест, чтобы идти по стопам Христа. Юродство и есть непременно удел всякого искренно ищущего Царства Божьего и правды его в этом мире. И только великая цель может оправдать избираемый христианином путь жизни, только несокрушимая духовная сила может поддержать верующего в этой непрестанной борьбе. И если мы обратимся к человеческому опыту — и к векам истории, и к опыту отдельной человеческой души, — то ясно увидим две великие цели, которые, предносясь человеческому сознанию, влекли сердца людей ко всему светлomu и прекрасному, сообщали высший смысл жизни, легким делали ее бремя в мире и радостным служение добру. Цели эти — личное совершенство и общее благо. Все идеалы и все опыты осмысливания жизни так или иначе соприкасаются с этими двумя путеводными звездами на нашем жизненном небосклоне. Это — те высшие разумные цели, в стремлении к которым видели смысл своей жизни и своей работы все лучшие представители человечества и указывали смысл жизни все великие системы морали. Перед обеими этими целями стоит и христианская совесть и включает их обе в свой идеал, но так включает, что эта совесть опытно раньше должна познать необходимость для желающего быть мудрым во Христе обезуметь, говоря апостольским словом, и также опытно познать, что *“немогущее Божие сильнее человеков и немудрое Божие премудрее человеков”* (1 Кор. 1:25).

II.

“Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мф. 5:48). Вот прямая, ясно определенная цель жизни, поставленная перед человеком самим Господом, можно сказать — самым происхождением человека от Бога. Тот, кто сознает себя Божиим творением, кто Небесного Бога называет своим Отцом, тот не может не знать, что цель его жизни — уподобление Богу, достижение возможного совершенства, святости. Закон всякой жизни в мире тот, что все живущее осуществляет бессознательно для себя идею своего рода, возрастает по типу жизни своих родителей. В духовно-человеческой жизни, как свободно-нравственной, этот закон не носит печати неизбежности воплощать идею рода, но приобретает значение нравственного долга, т. е. из области внешней необходимости переходит в сферу внутренней авторитетности. Человек признает себя призванным быть достойным своего Отца, быть святым, совершенным. К этому одинаково призывал и закон ветхозаветный, и Евангелие Иисуса Христа. К этому же неустанно влечет сердце и голос верующей совести.

Итак, ясно, что цель христианской жизни — в совершенствовании, в достижении возможной святости. Это именно и осмысливает жизнь человека, когда он восходит от силы в силу, развивается, духовно богатеет, увеличивает число богоданных талантов. С этой точки зрения вполне понимает христианская совесть, что грешник и мытарь могут оказаться более близкими к Божьему Царству, чем праведные фарисеи, остановившиеся на определенной ступени своего благочестия. Смысл жизни — в движении вперед, совершенствовании, развитии. Это в одно и то же время и долг человека перед волей пославшего его в мир Отца, и закон всякой органической жизни в самом физическом мире.

И однако, хотя все это так несомненно, есть много такого, что вовсе не позволяет проводить параллель между обычным пониманием смысла жизни в ее стремлении к совершенству и христианским взглядом на жизнь. И в данном случае я разумею не различие содержания идеала совершенства и путей к нему, но отношение самого человека к процессу своего совершенствования, такое отношение в христианстве, которое не позволяет определить смысл христианской жизни как стремление к совершенству. Долг — да, естественное направление жизни — да; но смысл ее? Обращу внимание на один равно поражающий и несомненный факт.

Во все времена встречались люди, которые, иногда при самой жизни своей, а нередко уже по смерти своей, признавались человечеством за великих людей. Были такие люди и в истории Церкви. Это те, кого обычно называют святыми, т. е. наиболее совершенными среди людей. И если обратиться к сердечной исповеди этих людей, которые для нашего сознания являются носителями света Христова в мире, то нигде не встречается более искреннего, глубокого, сердечно проникновенного сознания своей грешности, своего бессилия, убожества всяческого, как именно у этих светочей христианской веры и жизни в их писаниях и беседах. И согласитесь, что если так, то невольно возникает вопрос: если святые сознавали так ясно и больно свое ничтожество и с этим сознанием уходили к Богу своему, то как же можно видеть смысл жизни в совершенствовании и святости, которых никто из верующих в Бога не достигал в своем сознании? Полагать смысл жизни в абсолютно недостижимом невозможно. И здесь нельзя было успокоиться на мысли о том, что важен не результат, но процесс. Пусть, мол, полное совершенство недостижимо, но совершенствование — вот смысл и нравственное удовлетворение для жизни. На этом также нельзя успокоиться, как и на стремлении достигнуть святости. “Кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя на один локоть?*” — спрашивал Христос (Мф. 6:27). И воистину: как не в наших силах заставить расти все живое больше известного предела, так не имеем мы ни рецепта для ускорения духовного роста, ни масштаба для его измерения. Мы знаем, что для духовного роста также необходима духовная пища: уклонение от зла, упражнение в добре, пост, молитва. Но как все это переходит в жизнь души, отражается в ней и увеличивает эту

жизнь, мы не знаем. Суд людей о святости человека настолько не авторитетен, что и подчеркивать этого не надо. “Кто из людей знает, что в человеке?” — спрашивает апостол (1 Кор. 2:11). И ответ ясен: “никто”, а потому понятен и завет апостольский: “Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения” (1 Кор. 4:5). Евангельские мытари и блудницы были ближе к Христу и Его Царству, чем славимые от людей книжники и фарисеи, эти выкрашенные гробы, полные всякой нечистоты. Не более надежен и суд самого человека о себе, хотя человек и больше “знает” себя самого. Притча о мытаре и фарисее наглядно говорит о том, что вполне ясно для христианского сознания. Самодовольство и духовная самоуверенность говорят не о святости и совершенстве человека, но о его гордости или просто недалекости, т. е. уже, во всяком случае, о духовной ограниченности. Если бывают минуты высокого подъема самочувствия у таких великих христиан, как апостол Павел, когда он говорит о своей жизни как “о подвиге добром” (2 Тим. 4:7), то это лишь мгновения внутреннего озарения жизни, которые даже у такого неутомимого работника на Божией ниве, как Павел Тарсийский, выступают точно случайно на фоне сознания вечного разлада, постоянной борьбы, личной беспомощности, что никем не было так ярко изображено, как ап. Павлом.

Думается мне, что решительно невозможно видеть смысл жизни в достижении святости и совершенства, если неизбежно бывает так, что когда человек сознает себя святым и совершенным, он оказывается хуже и грешнее самого великого грешника. Такое состояние на святоотеческом языке названо прельщением, гордостью, т. е. отнесено к числу состояний греховных.

И это же самое открывается, если хоть на мгновение задуматься над самым путем жизни святой и богоугодной, по Евангелию. Этот путь есть путь, конечно, любви, т. е. путь самого искреннего и глубокого единения человека со своими братьями на земле. При такой искренней любви грех ближнего есть мой грех, я сознаю себя ответственным за все зло и несчастья в мире. И когда Тот, Кто Один мог сказать о Себе, что никто не смеет обличить Его в грехе, — когда Он изнемогал под тяжестью сознания Своей ответственности за грехи всего мира и долга Своими страданиями искупить эти грехи, то в этом случае выразилась в мировой жизни не только тайна божественных путей спасения мира, но и закон всякой искренней любви: не может удовлетворять и радовать душу сознание личного совершенства, когда всюду зло и грех. То начало смирения, которое, по словам Самого Христа Спасителя, уподобляет верующего Учителю, оно именно — неиссякаемый источник для христианского сознания своей связанности со всем грешным и страдающим в мире, своей ответственности за всякий грех и за всякое страдание.

Если и может кому-нибудь доставлять радость сознавать себя святым и совершенным по сравнению с другими, то, во всяком случае, эта радость по своей природе не будет христианской. У Л. Н. Толстого есть прекрасные страницы, где он говорит, что смысл жизни — в увеличении в себе любви как пути к совершенству. Но как ни прекрасны эти страницы, они ставят один неотвязный вопрос: можно ли, любя безраздельно, заботиться о личном совершенстве, думать о нем, замечать его, любоваться им? Думается, что нет; кажется, что в своей духовной жизни христианин должен быть подобен ребенку, не задумывающемуся над своим ростом; полевой лилии, не думающей о своей красоте; птице небесной, не заботящейся о завтрашнем дне. Не о том речь, конечно, что христианину дозволена нравственная беспечность, сознательное отклонение от воли Божией, неисполнение долга. Но самая абсолютность нравственного идеала богоподобного совершенства делает то, что, исполнив даже всю волю своего Господина, верующий не может судить о себе иначе, как о рабе, который ничего не стоит, потому что сделал, что и должен был сделать (Лк. 17:10), не может не сознавать бесконечной высоты Солнца нашей жизни и своей далекости от совершенства.

Были религии в истории человечества, где намечался точно определенный путь для достижения предельного совершенства. Даже ветхозаветный закон еще говорил “о праведности от закона: исполнивший его человек жив будет им” (Рим. 10:5). Но Евангелию чужда эта точка зрения по самой природе христианского совершенства, когда не только абсолютность нравственного идеала делает невозможным услаждение от достижения этого идеала для человека с чуткой совестью, но и самое это совершенство, самая святость рассматривается не как приобретение самого человека, но как Божий дар, дар благодати, посылаемый не ради дел человеческих и заслуг человека перед Богом, но как дар любви Отца ради Сына Своего Иисуса Христа. Там, где от ограниченного смертного требуется быть совершенным, как Бог, там или злая насмешка над человеком, или же в последнем может действовать Божия сила, сила, побеждающая грех и смерть. Таков именно и есть дар благодати по вере во Христа. Прочтите апостольские послания, особенно Павла, и станет ясно, как совесть верующего сознает то, что является аксиомой для математика: бесконечность одинаково далека и от 1 и 2, и от миллиардов. Бесконечное, Божеское совершенство одинаково недостижимо и для человека, согрешающего против всего закона, и лишь согрешившего в одном чем-либо: “Кто соблюдает весь закон, — пишет ап. Иаков, — и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем” (2:10). И когда христианство ставит требование быть совершенным, как Отец Небесный, оно обращается не к силам одного лишь человека, но к возможности для него освящения свыше через общение реальное, хотя и таинственное, с Богом. “Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни” (Ин. 6:53). Если не приобщитесь к жизни Христа, не сделаетесь причастниками Его любви, ветками Божественной Лозы, то не достигнете совершенства, не осуществите своего назначения. Потому-

то Евхаристия и есть центр христианского служения Богу, когда верующий становится реально причастником Божественной жизни, сыном вечности, святым и совершенным.

И то, что так чудесно воплощается в Таинстве Евхаристии, — преискреннее общение со Христом, — это самое составляет и содержание вообще христианской святости. Христианин может быть святым не сам по себе, но лишь во Христе. Мы “в Нем” праведны, совершенны, как говорит апостол. Мы святы Его святостью, горды Его совершенством, радуемся Его славе. *“Ради Христа я, — говорит апостол Павел, — все почитаю тщетою... все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью..., но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере”* (Флп. 3:7–9).

В этом и выясняется истинный смысл евангельской заповеди бесконечного совершенства. Ветхозаветная заповедь о святости, подобной божественной, приводила человека наиболее искреннего и глубокого к сознанию, что “делами закона не оправдается никакая плоть” (Рим. 3:20; Гал. 2:16), и через это сознание питала веру в Великого Избавителя. Евангелие — исполнение ожиданий ветхозаветной веры, не тень, а самый образ вещей, хотя еще “вера, а не видение” (2 Кор. 5:7). “Делами закона” так же не может оправдаться христианин, как и ветхозаветный верующий. Бесконечная высота нравственного идеала еще более может и должна питать сознание христианина, что он “жалок, и нищ, и наг” (Откр. 3:17). И в то же время этот нищий во Христе имеет залог святости и совершенства, и не своего совершенства и святости, всегда ничтожных и ограниченных, но именно безграничных, божественных.

Мы получаем, таким образом, в Евангелии новое по сравнению с ветхозаветным учением откровение о смысле жизни. Цель ее — совершенство и совершенствование. Но оно достигается новым путем — отказа от личной святости и верой в единого Святого и единого Совершенного. Отнимите живого Христа от христианина, поставьте его перед лицом евангельского высочайшего идеала, и каждый совестливый человек придет в безвыходный тупик, сознает всем сердцем совершенную бессмысленность своей жизни, ничтожество всех дел, какими может “трудиться человек под солнцем” (Еккл. 1:3), и вместе с тем сознает совершенное отсутствие выхода. Могучая жизнь Толстого — яркий символ этого бессилия человеческой воли и свидетель, что нет иного выхода, как стремление в неведомую даль; проявление лишь отчаяния. Если прочитать письма Толстого, его речи о смысле жизни, то станет сразу ясным, как силен он там, где душа его ищет покоя в Боге, и как жалко беспомощен там, где говорит о своих личных стремлениях осуществить правду на земле. Самое бессмысленное с рассудочной точки зрения — его уход — единственно ценное во всем его личном опыте создать разумную жизнь. Ценное потому, что до конца искреннее, не половинчатое, не компромиссное. А ведь этот уход — то же отчаяние, путь без света, без путеводной звезды. И если эту благородную, но беспомощную жизнь Толстого сравнить с жизнью великого проповедника Евангелия — ап. Павла, то ясным станет различие путей к совершенству без веры во Христа как источника жизни — и со Христом. Ап. Павел в известном смысле так же, как и Толстой, отрекся от того, чему служил раньше, возненавидел славу земную, презрел всю фарисейскую праведность закона. Но он весь смысл жизни нашел в вере во Христа. *“Не я живу, — говорит апостол, — но живет во мне Христос”*. Это — девиз апостольской жизни. Совершенное самоотречение — ее основа; вера — ее источник и венец: *“Что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня”* (Гал. 2:20). И всю свою великую работу по делу благовестия апостол усваивает не себе. *“Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог. Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий”* (1 Кор. 3:6–7). И это сознание имеет настолько решающее значение, что только при нем возможна работа Господня. *“Когда я немощен, тогда и силен”* (2 Кор. 12:10), — вот слова того же ап. Павла, ярче которых ничто не может выразить мысли о действии в человеке и через него силы Божией. Величайшее самоотречение апостола приводит его к сознанию, что все дела, все личные усилия служить закону правды вызывают лишь один ужас от чувства собственного бессилия и ограниченности: *“Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?”* (Рим. 7:24). Зачем жить, если вечный разлад терзает душу, зачем жить, если я делаю не то доброе, которое люблю, но то злое, которое ненавижу! Зачем жить, если благодаря закону лишь познается, но не побеждается грех? *“Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим”*, — отвечает сам апостол (Рим. 7:25). Жить можно лишь по вере в Иисуса Христа, ради Него, по вере в Его святость, Его силу, и Царство, и славу.

Теперь, думается мне, ясна мысль о юродстве и силе христианской веры перед лицом первой великой общечеловеческой цели жизни. Юродство — в том всегдашнем сознании, что сам по себе человек — нищ и бессилён, а должен быть святым и помогать Богу в делах Его. Юродство в том, что верующий по мере опытного познания немощности своей становится чище и совершеннее. Всегда смиряется, потому что никого не видит, кто был бы хуже и ниже его; всегда кается, потому что видит ясно всю красоту, несравнимую ни с чем, Божеского пути жизни и сознает свою отдаленность от него; всегда плачет, потому что сознает свое бессилие осушить чужие слезы. И все это по содержанию одно: совершенное самоотречение, искреннее, полное. К нему зовет человека Евангелие уже тем самым, что заповедует миру любовь. Если кто не возненавидит самой жизни своей в мире этом; если кто не возненавидит всего самого близкого и дорогого; если кто не отрешится от всего, что имеет, такой не может быть учеником Христовым. Почему не может, если Господь принес на землю радость и жизнь, если любовь принес Господь, а не ненависть? Почему не может, если жизнь самого человека так безмерно ценна, что мира всего недостаточно для выкупа ее? Потому, несомненно, что без такого юродства, всецелого самоотречения не-

возможна любовь к Богу всем существом, всеми силами души. Отрекаясь от всего, живя одним любимым, любящий в нем находит новую жизнь и новый источник любви ко всему. И верующий, отрекаясь от всего, в Боге находит все, в том числе и себя самого, безмерно возвышенным, всецело очищенным. В этом и сила христианской веры. Уже было отмечено, что самые великие усилия разбиваются об ограниченность человека. Вера говорит, что есть Некто абсолютный, живущий вечно и действующий в нас. Чуткая совесть по мере нравственного развития все более и более сознает свое духовное убожество. Вера говорит, что если я немощен, убог и безобразен, то Христос силен, свят и прекрасен, и совершенно отрекается от себя такая душа, такая совесть, но живет и питается Божией любовью, радостно преклоняется перед Одним Святым.

Итак, залог силы христианской жизни и залог христианского совершенства — в вере в Совершенного, в единого Святого, в той вере, которая многим из наших современников представляется, как и Толстому казалось, не только безрассудной, но и вредной для нравственного делания, усыпляющей. Нужно и нетрудно показать несправедливость такого суждения, несправедливость, всецело объяснимую из недостаточности отчетливого представления предмета христианской веры и ее проявления в истории. Взгляда на жизнь одного ап. Павла уже достаточно, чтобы устранить всякое сомнение в активности веры, когда эта жизнь свидетельствует, насколько вера являлась движущим ее началом, неустанно елекла волю работать на ниве Божией — без устали и до позднего вечера. Разрешите привести коротенький отрывок из апостольских посланий, чтобы не показалось, будто такое успокоение верующей души в Боге может повести к квиетизму, к личной бездеятельности. «Я был, — говорит о себе апостол, — в трудах, безмерно в болезнях, часто в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня избивали палками, однажды камнями побивали; три раза я терпел кораблекрушение... Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, от язычников, в опасностях в городе, в пустыне, на море... В труде и изнурении (жизнь моя), часто в бдении, холоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготы. У меня, кроме внешних злоключений, ежедневное стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы и я не воспламенялся?... Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу» (2 Кор. 11:23–29,31). И жизнь ап. Павла — тип жизни христианской, соединяющей юродство и мудрость, бессилие и силу. Ни один верующий никогда не усвоил себе лично ничего из своих трудов и жертв на служение Божьему Царству, но однако работал на ниве Божией с неустанной энергией. Любители богословских споров века провели в рассуждениях, что нужно для христианского совершенства: вера или дела. Наша Церковь всегда стояла в стороне от этих споров, так как для нее несомненна была нераздельность веры от дел и ничтожество дел без веры. И это именно так коротко и сильно выразил апостол, писавший столько о спасении одной верой: «Вера, действующая любовью» (Гал. 5:6). И конечно, не иная. Если вера является органом, воспринимающим Божию благодать, или, что то же самое, становится причастницей Божеской жизни, святой и вечной, то это, конечно, тайна и для сознания верующего, подобно тому как и для позитивного знания всякая жизнь есть тайна. Но тайна благодатной жизни раскрывается в нашей душе, и именно наша жизнь соприкасается с жизнью Божественной. Это то родство жизней, то Богосыновство, вера в которое отличает христианство от всякой другой религии и всякого иного учения. И то причастие вечной жизни, которое устанавливается между Богом и верующей душой в Таинствах, существует на естественной основе наших жизненных отношений — любви. Чтобы находить смысл жить ради Бога, чтобы хотеть быть в Нем святым и спасенным, недостаточно верить, что Он есть, что Он — свят и прекрасен, но надо знать, всем существом ощущать, что Он — благ, что Он — родной мне, близкий, любимый и достойный любви. Надо любить. Когда Евангелие определяет основной закон нашей жизни как закон любви к Богу всем существом, тогда Евангелие одновременно и описывает ту природную почву, на которую падает семя вечной жизни. Это — естественное влечение к любви, в которой только и осуществляется реальное единение души с Богом. В своем докладе «Евангелие и общественная жизнь» я сравнительно подробно останавливался на уяснении содержания чувства этой любви, этого общения души со Спасителем. Сказанного повторять не буду, отмечу лишь, что душа, восхищенная своей верой на небо и соединившаяся навеки своей любовью с Господом, не остается на высоте этой отрешенности, но вновь посылается Богом в мир на дело жизни. Посылается не потому только, что ограниченность человека всегда делает его сыном двух миров, но и потому, что самый мир — Божий; земля — подножие Его ног; люди — дети одного Отца, Божья семья; Сам Христос для сознания верующего неотделим от земли, по которой прошел Своим крестным путем и на которой незримо живет в Церкви и в лице всех обездоленных. Отсюда следует не только то, что «вера без дел мертва» (Иак. 2:20, 26), так как служение людям и миру как Божьему есть единственно возможное выражение любви нашей к Богу, — но и то, что самая жизнь наша получает свой смысл от того, насколько отражается эта наша вера и любовь на деятельном стремлении служить Царству Божию на земле, независимо от формы и видимых результатов такого служения. Тысячи горячо верующих пытались убежать из мира, чтобы быть с одним Богом, но мир шел за ними и в пустыню, шли и соблазны мира, текла и чистая любовь, тянулись и толпы людские, сердца, жаждавшие ласки, поучения и утешения. Еще не было христианина, который бы ушел от мира всецело, не будет такого и не должно быть. Ученики Христовы не от мира, но для мира. Первое делает то, что ненавидит их мир (Ин. 15:19); второе — то, что любовь к Богу неотде-

лима от Его творения (1 Ин. 4:20–21). И это всегда осложняет формулу ответа о смысле христианской жизни. *“Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше”* (Флп. 1:23). Слова эти не только ап. Павел сказал, то же говорит общехристианская душа, когда она сознает свое реальное единство с жизнью Христа, радуется Его любви, светлеется троицеским единством и в то же время видит ужас прошлого, страшится неведомого будущего, сознает свое ничтожество. Если бы смысл жизни христианина исчерпывался его личным спасением, то цель такой жизни сознавалась бы осуществленной в каждое мгновение реального ощущения причастия своей жизни Божественной. Квиетизм такого последовательного мистицизма логически неизбежен, но односторонность его сразу ясна. Здесь снова не только неразрывность любви к Богу и людям, но и сами задачи Церкви Христовой в мире произносят свой осуждающий приговор над такой принципиальной отрешенностью от мира и жизни в нем по законам Божьего Царства. *“А оставаться во плоти нужнее для вас”* (ст. 24), — замечает апостол, сказав о своем желании поскорее умереть, чтобы ближе стать ко Христу. *“Нужнее”* не по суду опять-таки одного ап. Павла, но по воле Бога, пославшего человека в мир. Если смысл христианской жизни можно видеть в возможно полном слиянии с Божественной жизнью, или, что то же, в возможно полной, всеобъемлющей любви к Нему, то это самое властно обязывает человека являться в мире проводником нового жизнепонимания, продолжателем дела Христова, переданного Им спасенному человечеству, работником в деле построения Божьего дома, создания Божьего Царства. Всякий верующий не может не сознавать себя служителем Божиим в мире, сорботником Христовым. И здесь-то христианин оказывается со всеми своими силами и благодатной помощью перед второй великой общечеловеческой ценностью жизни — перед служением человечеству, его будущему благу.

III.

Если посмотреть на жизнь, отрешившись от всяких теорий, то, несомненно, придется признать, что идеал самоотверженного служения общему благу чаровал и чарует сердца многих, бесконечно далекая цель — благо будущего человечества — все же оказывается достаточно яркой для того, чтобы освещать своим светом жизненный путь для многих и притом лучших людей всех эпох и сообщать смысл личной жизни человека, его жертвам и подвигам. Мне кажется, что нет в нашей жизни ничего более способного развеять тяжелые думы о человеке и человеческой истории, как именно мысль о тех самоотверженных работниках на благо будущему, немногие имена которых сохранила история. Голос сердца и совести всегда будет видеть в служении общему благу высокую, истинно достойную цель человеческой жизни и благословлять всех, идущих по этому пути. Нет сомнения, что и для христианской совести идеал служения благу будущего человечества не чужой, тем более не враждебный Евангелию. Когда Христос умирал на Кресте, Он являлся Спасителем для всех времен. И когда Он заповедал: идите и научите все народы, проповедуйте Евангелие до края земли, то Он указывал прямую цель служения Своих учеников будущему. Теперь я и хочу остановиться на вопросе об отношении христианского сознания к мысли о благе будущего человечества как цели жизни и о смысле ее в служении этому благу.

Так как в мою задачу не входит излагать и разбирать оптимистические системы философии, но выяснить отношение христианского сознания к началу самоотверженного служения будущему, то я не буду останавливаться на критической оценке этого высшего идеала жизни, высшего слова человеческой совести и разума. Насколько вера в прямолинейный прогресс человеческой истории гадательна; насколько самые понятия *“общего блага”* и *“человечества”* туманны и спорны; насколько незаконно требовать, чтобы человек отказывался от близлежащего из-за любви к туманной дали, обо всем этом я говорить не буду. Это все ясно и само по себе и очень обстоятельно раскрыто представителями пессимистической оценки жизни. Остановлюсь лишь на одной этической стороне в учении об идеале общего блага как цели жизни.

Мне кажется, что никто рассудочно не может представить ни какое-то будущее человечество, ни какое-то общее благо, ни какой-то бесконечный прогресс. И если идеал служения общему благу осмысливает жизнь многих и притом лучших людей, то не в силу своей высшей разумности, своего согласия с голосом рассудка и свидетельством истории, но по мотивам нравственного порядка, по голосу совести. Сердце человека во все времена влекло его к самоотречению и служению другим, и если ставят побуждением для такого самоотречения общее благо, то лишь расширяют сферу приложения этого неумирающего голоса совести, этой жажды жертвы и подвига. С этой точки зрения, казалось бы, не в этической стороне идеала служения общему благу можно видеть источник сомнения в его ценности. А между тем живой источник сомнений вытекает именно из глубин запросов совести. В самом деле. Современному человеку предлагают взойти на высокую гору — вершину запросов человеческой совести — и посмотреть с нее, подобно Моисею, на землю обетованную для будущего человечества и, подобно Моисею же, умереть после этого взгляда для личной жизни и жить для других. Хорошо, пусть я сделаюсь из слепого зрячим, посмотрю, увижу и пленюсь. Но если предварительно меня не обратят в соляной столб, то рискуют потерять меня навсегда. Ведь с высокой горы одинаково хорошо видны и тысячелетие впереди, и тысячелетие позади. И если оглянуться назад, то перед глазами окажется безбрежное море человеческого горя и слез, и страданий, и греха, и будут слышны стоны умирающих и вопли погибающих. То же видится и по сторонам, то же впереди, и лишь на горизонте каком-то далеком мерещится царство света и радости, утвержденное на слезах и крови предшествующих поколений, участники которого пируют в жизни и радуются ей, радуются ровно настолько, насколько не ви-

дят предшествующего горя, не слышат вековых рыданий. И человеку говорят: смотри, как там светло и радостно, какие они все, эти люди будущего, умные, добрые, красивые. Полюби их крепкой любовью, как мать любит свое дитя, живи для них и умри для них с радостью. А те другие, спросите вы: их слезы останутся неисккупленными, грехи непрощенными, силы, здоровье и жизни преждевременно угасшими? Неужели так уж естественно любить тех, которые радостны и счастливы за счет чужого горя и страдания? Не может ли, напротив, свет жизни таких людей показаться тьмой, радость их скорбью, смех их позором земли? Великий поэт призраков Ницше видел и радовался своему сверхчеловеку — этой вариации понятия будущего человечества, но одного слова было достаточно, чтобы радость переходила в отчаяние. Слово это “было”, этот “скрежет зубовой”, это последнее отчаяние от сознания безвозвратности прошлого, невозможности его вернуть и переменить. А для христианского сознания в этом “было” еще имеется такая страница, перед которой действительно меркнет солнце и содрогается земля. Не сам ли Ницше говорит, что человечество не смеет жить после того, как Святейшее Существо истекло кровью под нашими ножами. Что значит все человечество по сравнению с одним Сыном Человеческим, распятым на Кресте? Для христианского сознания нет оправдания этому преступлению, виновными в котором все себя признают. Хотя иудеи распяли Христа, но весь языческий мир, принявши веру в Него, исповедал, что нет иного спасительного пути, кроме крестного. И насколько христианин верит в свое спасение Крестом Христовым, настолько он сознает свой долг нести крест Христов в мире всегда, и всегда отвратительны для сознания торжество и радость в мире, купленные ценой крови и страданий. Христианская совесть — а может быть, и еще шире: совесть вообще, видящая Крест позади себя с истекающим на нем кровью Страдальцем — не может успокоиться до тех пор, пока не увидит с высоты своей того же знамени Сына Человеческого — Креста Христова — сияющим в небесах в Царстве Отца, в том Царстве, где нет ни печали, ни слез, ни воздыханий, еще больше: нет времени, как говорит ап. Иоанн: “времени не будет” (Откр. 10:6), нет страшного “было”, нет туманного “будет”, но лишь одно “есть”, один Сушый, все и во всех, когда смерть будет упразднена жизнью, а время вечностью. Только то учение, только та религия может говорить о самоотречении и служении другим, а в том числе и будущему человечеству, которая имеет залог победы над смертью, над прошлым и залог жизни вечной.

Идеал всеобщего блага — идеал высокий и чудный. Но, говоря словами нашего русского мыслителя, этот идеал, подобно многим мировым явлениям, не имеет источника света в себе, но нуждается в лучах иного, большего светила, будучи освещен которыми, он может и сам, подобно планетам, освещать путь людей, светить им своим тихим, умиротворяющим светом. И только в лучах света Христова источник жизненной силы самого идеала всеобщего блага. Как было отмечено мною, я свою задачу ограничиваю речью лишь о христианском отношении к жизни. Если и касаюсь идеала общего блага, то лишь настолько и потому, что наше время с особенной определенностью выдвинуло этот идеал как евангельский, назвало это будущее счастье человечества Царством Божиим на земле и говорило о нем так, как будто это и было то самое Царство, о котором благовествовал Христос. А между тем в христианском кругозоре мысль о будущем человечестве и дело служения ему освещаются новыми лучами личного бессмертия и вечной жизни в Царстве Отца.

Если посмотреть на учение и жизнь Христа в целом, то, бесспорно, прежде всего, нужно сказать, что долг служения будущему человечеству ярко напечатлен в деле Христовом и в Его заветах миру. В своих чтениях “Евангелие перед судом Ницше” мне уже пришлось встретиться с упреком христианству в узости кругозора, в чересчур внимательном отношении к отдельным людям, из-за которых для Евангелия будто бы осталось незамеченным человечество, люди вообще. Здесь я напомним об одной только Голгофе, чтобы ясно стало, как в сферу служения миру Самого Христа входило истинное благо всего человечества, его спасение. Именно на Голгофе ярче всего выразилась та великая любовь, которая, не минуя ближнего, простиралась в бесконечную даль веков. На Голгофе, в неразрывной связи, конечно, с последующим Воскресением Христа, было положено начало тому великому строительству дома Божия на земле из живых душ человеческих, которое уже продолжается века и конец которого вне поля нашего зрения. Если бы только “ближние” были в кругозоре Христа, то, казалось бы, не три года общественного служения Христа были достаточными для того, чтобы послужить современникам. И когда умирал Христос на земле, как мало было видно человеческому глазу спасенных Им, какое множество оставалось вне сферы учительства и милосердия Господа! И однако Христос знал, что “дело, которое дал Ему Отец совершить, Он совершил” (Ин. 17:4), что путь пройден весь до конца и что жизнь и смерть Господа были тем живым семенем, которое должно было произрастить плод мног — Церковь Христову, которую Он приобрел Своей Кровью. С высоты Голгофы Христу видна была даль веков, Его сердце обнимало Своей любовью все будущее человечество, и как у Голгофы витали все чаяния прошлого, жившего верой в избавление, так от нее же лился свет, несущий миру любовь и тепло до края земли и навеки. И само собой понятно, что каждый христианин есть, в известном смысле, не только ветвь, растущая на лозе истинной, но и продолжатель в мире дела Христова, служитель Его, участник великого домостроительства. Такими были, прежде всего, апостолы. Проповедовали они Христа миру, готовили себе преемников и радовались, что слово Христово распространялось по земле, и верили, что Царство Божие на земле будет расти до великого дня откровения в мире славы Христовой. Верили и работали на ниве Божией. Сказать поэтому, что Христос и Сам есть краеугольный камень строительства Божьего на земле, и

ученикам Своим заповедал продолжать это же строительство, сказать это значило бы высказать азбучную евангельскую истину.

И однако не эта мысль о будущих веках, когда все человечество придет ко Христу, когда все будут просвещенными и добрыми, не это давало смысл жизни работникам Христовым в мире, не это было их путеводной звездой. Забота о завтрашнем дне в деле созидания Царства Божия также не должна была входить в содержание духовной христианской жизни, как и забота о завтрашнем дне в жизни личной. Господи, говорили ученики Христа, восторженно радовавшиеся Воскресению Его, не в этом ли году Ты восстанавлишь царство Израилю? Господь ответил им, а с ними вместе и нам всем: "Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в своей власти" (Деян. 1:7). Не дано вам знать, стало быть, и не надо вам знать, это не ваше дело, не предмет ваших забот. Каждый верующий должен был знать нечто другое, то именно, что день Божий наступит неожиданно, что каждое мгновение жизни нужно ждать Христа, иметь елей в светильниках своих для встречи небесного Жениха, иметь сердце чистое для того, чтобы радоваться Ему и приветствовать Его словами: "Ей, гряди, Господи Иисусе" (Откр. 22:20). Вся дивная таинственность созидания Царства Божия на земле исчезла бы в тот момент, если бы сказано было, что настанет Царство Христа тогда, когда все придут к Нему, и от такого успеха зависело бы завершение дела Божия на земле. Но этого не было и быть не могло. Скорее обратное: апостол высказывает определенное убеждение, что все, хотящие жить благочестиво, гонимы будут. Христос говорит, что в последние времена умножатся беззакония, иссякнет любовь — живительное начало Божьего Царства. В таинственных образах Откровения рисуются последние судьбы Царства Божия на земле, и это Царство представляется гонимым, верующие — обиженными и малочисленными, зло — торжествующим. Не хочу подробно развивать этих мыслей, не хочу гадать и объяснять то, что, по воле Божией, осталось сокрытым от нас. Одно утверждаю: нигде в Евангелии не говорится, что Царство Божие на земле осуществится видимо, что все придут ко Христу здесь же и что наша земля сделается царством света и радости. Этого не обещается, и нет данных даже на это надеяться. Недаром человек, полный бесконечной любви ко Христу, человек, отдавший все свои бесконечно богатые силы на служение Его Царству на земле, убежденно говорил, что если только в этой жизни мы надеемся на Христа Иисуса, нет более несчастных людей, чем мы. И если Христос не воскрес, суетна вера наша, нелепа и проповедь наша (1 Кор. 15:14,19). Крест Христов, как я сказал, является уделом каждого христианина, одинаково и в начале исторического пути христианства в мире, и в конце этого пути. Нельзя представить себе даже поколения сытых и смеющихся христиан в конце этого земного века как завершения дела Христова на земле. И действительно, скорби, лишения и гонения предрекаются так же последним ученикам Христа в мире, как и первым.

Ясно после этого, что не будущее счастье людей, не успехи даже Царства Божия на земле осмысливают жизнь нашу на ней. Плоха была бы та религия, которая, указывая в этом цель и смысл жизни, сама же предсказывала, что зло на земле всегда будет сильно и царственно. Нет, как для каждого и в каждом невидимо Царство Божие, составляя достояние его сердца, так таково же оно и во всем мире. Нам заповедано работать для этого Царства, указано, что нужно делать, чтобы участвовать в строительстве Божиим, но планы и цели его так же сокрыты от нас, как неведомы были они и первым ученикам, как неведомы для каждого из нас конец нашей жизни, ее назначение, ее сравнительная ценность. Как в нашей жизни, так и в общественной работе христианство одинаково требует от нас совершенного самоотречения, всецелой преданности всего себя в волю Божию. Напрасны стремления угадать сроки и цели Божьего строительства на земле, и не в успехе этого дела залог нашей энергии в служении добру.

Но если так, то что же тогда осмысливает жизнь нашу, служение наше Богу в мире? На это отвечает апостол словами: *"Мы спасены в надежде"* (Рим. 8:24).

Надежда не есть удел одних христиан. Это закон вообще нашей жизни, ограниченной временем, когда нет настоящего, а все либо в прошлом, либо в будущем. "Кто пахнет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, *должен молотить* с надеждою получить ожидаемое" (1 Кор. 9:10). В этих словах апостол на простом примере определяет характер всей нашей жизни. Надеждой живет скупец, отказывающий себе во всем и лишаящий себя высшей радости давать свое другим; надеждой живет каждый учащийся и учащий, каждый делающий что-либо в жизни, к надежде призывают и те, которые проповедуют жить ради блага будущего человечества. Надежда же, наконец, является одним из светил в христианском кругозоре, освещающим путь христианина в мире. Надежда по своей психологической природе — та же вера, только в ней еще больше затрагивается наша эмоциональная сторона, она еще больше заставляет трепетать наше сердце, побуждает волю все идти, идти. И надежда христианская, говоря опять словом апостольским, *"не постыжает"* (Рим. 5:5): надежда озаряет путь жизни и так же соединяет со Христом верующего в делании его, как вера в сознании нищеты своей.

Моему сознанию ясны две волны сомнения и страха, обуревающие душу людей, желающих жить по Христу. Эти волны я описал, как умел. Первая из них несет скорби, лишения, одиночество и отверженность каждому, хотящему в мире жить по Христу; а вторая — бессилие всех трудов человека в делании его на ниве Христовой, бессилие миллионов и веков работы на ней. И спасение от этих волн, несущих смерть и отчаяние в самую душу нашу, только в надежде христианской, которая, конечно, есть тот же Христос.

Так как горе в мире безмерно, скорби его глубоки, а страдания неисчислимы, то без утешения, без надежды жизнь наша вообще немислима. Если нет надежды, то нет и оправдания жизни. И человечество всегда жило надеждами. Все то множество путей, какими шло в мире человечество и какими теперь оно идет, все эти пути озарялись той или иной надеждой. Погасала надежда, погасала и жизнь; разгоралась надежда, и жизнь возрастала, крепла воля, росла уверенность, неустанно работало сердце. Жило человечество и такими надеждами, которые недостойны человека, жило и мечтами о светлом и чистом; вдохновлялось близко лежащей целью, но радовалось и далекому будущему. Всегда и везде смысл жизненному пути сообщала надежда, независимо от направления самого пути, независимо от большей или меньшей ценности содержания самой надежды. Если последняя оказывалась обманутой, то или и свет жизни потухал для человечества, или новая звезда появлялась на горизонте человеческой жизни, новая надежда манила его вдаль, все идти и идти.

Мы посмотрели на пути христианской жизни в мире, и оказались эти пути скорбными и в мирском смысле безнадежными. Как шелуха с зерна, так и все мирские надежды ничтожны для того, чтобы напитать алчущее и жаждающее правды христианское сердце. Близкие утешения так же отталкивают христианина, как и возвышенные речи о торжестве прогресса в мире. Нужно признать, что христианство не удалось, нужно или отказаться от стремлений пересоздать жизнь, либо других путей искать для этого; или же нужна высшая христианская надежда, которая непоколебленной может стоять среди натисков всех разъяренных волн моря жизни.

Христианство предметом надежды имеет, конечно, опять-таки Христа, но в конкретном образе приходящего вторично на землю в славе Отца Своего и Основателя нового неба и новой земли, по слову апостола: "Се, творю все новое" (Откр. 21:5). Я сказал, что вне надежды на Христа Воскресшего, вне веры в будущую загробную жизнь личности и Небесное Царство Христа, вне этой веры христианство является одним из типов такого оптимистического учения о жизни, которое полно внутренними противоречиями и, во всяком случае, разделяет участь всех теорий, говорящих о спасении жизни будущего ценой жертвы прошлого и настоящего. Совершенно новое освещение получает путь человеческой жизни в мире, озаряемый идеями всеобщего воскресения и Царства Христова Небесного. Те, казалось бы, несокрушимые преграды на пути христианской жизни в мире, которые должны вовсе обесмыслить эту жизнь и обесценить ее с точки зрения "мирского" разума и даже "мирской" совести, человеческой правды, — эти преграды, эта тьма рассеивается лучами названной христианской надежды, рассеивается и фактически и, если можно так сказать, принципиально.

Я сказал раньше два слова о том, что удел христианина в этой жизни — страдания и скорби. Я отметил, что исполнение учения Христова, этот путь к радостной и полной жизни ("Я пришел, чтобы имели жизнь, и имели с избытком" — Ин. 10:10) приводит христианина к жизни, исполненной внешних невзгод, печали и духовного одиночества, и приводит вплоть до наших дней неизбежно. А между тем слово "радость" проходит яркой нитью через все Евангелие и через все христианство. Уже самое слово "Евангелие" говорит о том, что Христос принес Благоую Весть людям, пришел в мир не умножать в нем скорби, труды и болезни, но возвестил миру новую бодрящую надежду, указал пути к новой блаженной жизни. Прочтите Евангелие и весь Новый Завет, и вы встретитесь с удивительным фактом. Эти книги говорят, уча о жизни, что удел христианина в мире — подвиг и страдание, а призывают к радости; говорят о слезах, изгнании, унижении, а самих плачущих, изгнанных и униженных называют блаженными. И не называют только. Насколько жизнь первых христиан известна нам, все они страдали и изнемогали от тяжелого креста. И в то же время все радовались и славилы Бога, считали свою жизнь, свое служение радостью, счастьем и благодарили Господа в каждом биении жизненного пульса. Благодарили Господа и этим одним ярче всех теорий и учений о жизни исповедовали, что последняя имела смысл, имела высочайшую ценность, что не было в целом мире ничего такого, что могло бы сравниться с этой ценностью. И если посмотреть на эту первую страницу христианской истории, посмотреть на этих горящих воодушевлением людей, которые только и делали, по описанию первохристианских книг, что страдали и радовались; если посмотреть на этих презираемых и замучиваемых чудаков и спросить, что давало им силу радоваться на кострах и крестах, то на это образно отвечает книга Деяний описанием *первой* мученической смерти за Христа в мире. Судили тогда человека, который обвинялся в тяжком преступлении: хуле на святое место и закон. И когда предстал перед синедрионом этот человек, то "сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела" (Деян. 6:15). Заговорил этот человек, заранее обреченный на смерть, заговорил нежно и властно. Нежно о Боге, о Его любви и милости к народу Своему; властно и сильно о неправде мира и жестокосердии людей с необрезанным сердцем и ушами. И когда говорил он это, слушатели его, эти судьи неправедные, и толпа озверевшая "рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами. Стефан же, будучи исполнен Духа Святого, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога. Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и, выведя за город, стали побивать... камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! прими дух мой. И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил" (Деян. 7:54–60). Так умер первый мученик за Христа, так или почти так умирали все мученики за Христа, умирали в первом веке так же, как и в XX, умирали и умирают с радостным сознанием того, что, кроме земли, есть небо, открытое людям Христом Иисусом. Ве-

ра была той побеждающей мир силой, которая претворяла печаль в радость, делала легким бремя Христово для христианина. Вера и надежда, что, как я сказал, одно и то же по существу своему, делали то, что верующие среди своих страданий "преизобиловали радостями" (2 Кор. 8:2), пели восторженные гимны перед лицом смерти и считали самые страдания в этой жизни ничтожными по сравнению с имеющей открыться славой в Царстве Христа. Эта обнадеживающая вера, и она именно, прежде всего, сообщала смысл жизни и смысл страданиям в ней, вера и надежда также, конечно, споспешествуемые любовью ко Христу, постоянным сознанием своего общения с Ним и теперь, и навеки. "Если терпим, то с Ним и царствовать будем" (2 Тим. 2:12). Вот девиз христианской жизни в мире, вот ее ласкающая надежда. "Царствовать со Христом". Не эгоизм это говорит, но любовь ко Христу, а в Нем и ко всему светлому и истинному, к правде и добру. Теперь нередко христианское учение о будущей жизни, особенно после возбужденных строк по этому вопросу Толстого, рассматривается как унижительное для христианского сознания и совести. Что такая оценка ошибочна, на этом вопросе я подробно останавливался в свое время³. Здесь я одно скажу. Если кто хочет звать людей на путь исполнения евангельских заветов без евангельской надежды на личную бессмертную жизнь, на небесную награду в Царстве Христа, на вечный венец за страдание в этой жизни, тот пусть идет к людям не с Евангелием Иисуса Христа и не с писаниями Его учеников, но пусть идет со своим евангелием, за свой страх и совесть учит людей, а не спирается на Евангелие Христово и на Самого Основателя христианства в мире. Так будет честнее. А для тех, кто привык с уважением и внутренним самоотречением относиться к слову Христа, но кто искренно смущается мыслью о награде, "воздаянии", "будущем блаженстве", мыслью о всем том, чем живет христианская надежда, живет не за себя только, но за всех и все, жившее в мире, страдавшее в нем, искавшее правды и света жизни, тем я сказал бы тоже одно: надежда эта, и награда эта, и жизнь эта, и блаженство это вечное — все это одно и то же, это все один и тот же Христос. Насколько надежда христианская есть надежда любящего Христа, настолько психологически нельзя отделять величайшего самоотречения ради Христа от величайшего упования на того же Христа. Первое требуется жизнью, второе предполагается верой во Христа, в Его победу над царством смерти и тления. Любовь всегда есть единение с любимым. Такова и любовь ко Христу. Она неизбежно есть единение с Ним и в страдании, и в славе Его. В страдании *здесь* и в славе *там*. И насколько любовь есть свободная стихия души, настолько она не может быть причастна никаким мыслям о выгоде или удовлетворении, но живет своей жизнью, по своим законам. И насколько любовь обнимает всего Христа, настолько уже здесь на земле она делает любящего причастником вечной жизни. Именно потому, что любовь "никогда не отпадает" (1 Кор. 13:8), она неизбежно делает страдания верующего в его единении со Христом и здесь же радование Ему, Воскресшему, Святому, Крепкому и Бессмертному. И для верующего в силу этой неразрывности любви спадают внутренние грани между жизнью и смертью. Смерти нет, есть жизнь лишь неумирающая. Любовь, соединив человека с Богом, не может прекратиться, так как вечен Бог и бессмертна душа человека, отвечающая любовью Возлюбившему ее от начала. Любящий Бога, поэтому, и есть причастник вечной жизни и блаженства в каждый истинный момент и настоящей своей жизни, среди всех ее скорбей и страданий. Потому и радуется, потому и надеется, потому и для себя ожидает венца правды и прощающей любви Отца. Нас пугают слова "награда", "воздаяние". И действительно, жалкие слова, бедный наш язык, который не в силах выразить полноты сердечных переживаний; жалкие и понятия, опошленные жизненным бытом нашим, более чем опошленные... Но кто же из любящих Христа не понимал этой бедности языка, этой недостаточности слов. Вот что, например, говорит один великий христианский епископ, обличая корыстный характер добродетели некоторых христиан своего времени: "Что ты говоришь, малодушный и жалкий человек? Тебе надлежит сделать нечто угодное Богу, а ты стоишь с заботой о награде! Если бы тебе за такое дело подлежало даже впасть в геенну, то и тогда разве следовало бы уклоняться, а не с великой готовностью приниматься за делание добра? А мы и малого не делаем с пристойною свободным людям ревностью, но наперед разведываем, есть ли награда, велика ли награда, будет ли то вменено нам, произносим этим слова людей несвободных. Ты делаешь приятное Богу, а ищешь еще какой-то другой награды? Истинно не знаешь ты, какое великое дело — угодить Богу. Потому что если бы знал это, то никакой другой награды не сравнил бы с этим благом... Возлюбим Бога, как любить должно. В этом заключается Небесное Царство, в этом наслаждение благами, удовольствие, веселие, радость, блаженство, а вернее, что бы я ни сказал об этом, ничто не в состоянии будет изобразить его, но один только опыт может с ним познакомить. Итак, станем наслаждаться любовью Его, и тогда еще здесь мы узрим Царствие, проживем ангельской жизнью, а после переселения отсюда светлее всех предстанем престолу Христову". Таким образом, блаженная жизнь за гробом есть также жизнь с Богом и в Боге, и поэтому "пребывающий в любви в Боге пребывает" (1 Ин. 4:16). "Кто может отлучить нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?.. Все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8:35, 37–39).

Не корысть, не трусливая тревога за себя составляют содержание христианской надежды, но любовь ко Христу, вечному источнику всего светлого и блаженного. Когда Моисей увидел гневное лицо своего Бога, он не испугался, но с непоколебимым мужеством сказал Богу: "Помилуй народ, а если нет, изгладь и меня из книги жизни"

(Исх. 32:32). И тот самый апостол, который говорил, что никакая тварь не может отлучить его от любви во Христе Иисусе, этот самый апостол в сознании и воле своей готов был оказаться отрешенным от любви Христовой за своих сродников по плоти — евреев. И каждый христианин знает вместе со Златоустом, что если бы за Христа нужно было и в геенну впасть, то и это он принял бы с радостью. И Бог требует многого от любящего Христа, требует пути крестного, совершенного самоотречения, полного самозабвения души в Боге. Только при этих условиях возможна истинная любовь ко Христу, но уже последняя по самой природе своей есть свет и блаженство, свет, который и тьму смертную уничтожает; блаженство, которым упивается любящий в настоящей жизни и в ожидании жизни будущей, от предчувствия которой трепещет радостно сердце.

Так свет вечности, надежда на славу в Царстве Отца претворяет скорбь в радость, и все существо человека наполняется сознанием безмерной ценности своей жизни в ее любви к Богу. И этот же свет, эта же надежда сияет и на всем жизненном пути человека, освещая последний, все делание христианское, сознанием высшей осмысленности и ценности.

Все настоящее живет жертвами прошлого и в то же время живет будущим и для будущего. Все то, что в наши дни несколько радует душу, все научные, культурные и гуманные приобретения, более того, вся жизнь наша в известном смысле есть дар прошлого, наследие отцов, равно как этим же наследием являются и все те ужасы жизни, какие самую жизнь для многих делают отвратительной. Один факт физического вырождения уже способен привести в отчаяние сколько-нибудь впечатлительного человека, когда совесть не может ответить, почему дети страдают за вину отцов. Таким же злым наследием прошлого стоят и невидимые, но бесконечно злые враги человечества в виде целого ряда человеческих преданий, установлений и даже просто обычаев, которые опутывают всю жизнь нашу, всячески отравляют ее, нередко разрушают, всегда ограничивают и гнетут. Власть прошлого громадна. И чем яснее это сознание, тем доступнее ему, что настоящее мгновение есть лишь звено между прошлым и будущим, есть в одно и то же время и наследие прошлого, и залог будущего, долг перед последним. Я уже говорил, что сознание этого долга, готовность жить для будущего человеческого счастья, вера в прогресс, вообще все то, что есть самого ценного в сознании современности в лице ее наиболее чутких, наиболее совестливых представителей, все это равно неустойчиво и перед лицом прошлого и перед будущим. Вера в прогресс и понимание смысла жизни в служении благу человечества не может не слышать тех стонов, которые доносятся из дали веков, не видеть тех жертв, которые принесены прошлым. И, как мне кажется, о чем я уже говорил, этих стонов достаточно для того, чтобы сделать безнадежно отвратительной самую мысль о благе будущего человечества, самую радость об успехах всевозможных культур и цивилизаций. Пока последние утверждаются на неправде, на обиде и угнетении слабых, пока мнимо светлый путь истории постоянно поливается людскими слезами и кровью, до тех пор фальшиво звучат речи о светлом будущем и "нет оправдания жизни, нет ей оправдания".

И однако христианство также живет будущим. Как все в мире утверждается на жертве, и жизнь младших поколений предполагает смерть старших, даровавших жизнь, так и в христианстве все утверждается на Крестной Жертве Иисуса Христа, все живет Его искупительной смертью. Очень важно отметить это удивительное сходство общеприродного закона поддержания и сохранения жизни с христианским учением о тайне спасения человечества жертвенной кровью Христа. Все в мире рождается от плоти и крови, все живет жертвой и самоотречением других, всякая жизнь утверждается на умерших уже поколениях, растет на смерти. Болезнями, страданиями и смертью Христа рождено и новое человечество, и живет оно только питаясь от Плоты и Крови своего Родонаначальника. Существенная разница между гуманизмом и христианством в их отношении к прошлому и будущему определяется именно той верой христианства в воскресение и личное бессмертие, которых не может исповедовать безрелигиозный гуманизм. Тайна жизни, утверждающейся на смене поколений и, следовательно, на смерти; тайна спасения жизни ценой жертвы; тайна страданий, наконец, — эти тайны остаются не открытыми так же христианскому сознанию, как и внехристианскому. Но в христианское жизнепонимание вводится новый факт — Воскресение Христово как свидетель победы во Христе всемирного добра над злом и как залог вечной жизни в Царстве Отца. И один этот факт, одна вера в личное бессмертие дает совершенно иную моральную окраску всей нашей жизни, ее отношению к прошлому, так же как и ее отношению к будущему. Перед лицом Вечного, по словам апостола, один день как тысяча лет и тысяча лет как день один. Граница времени спадает для всего человечества так же, как и для отдельного человека. Как смерти нет для христианского сознания, так нет для него и прошлого: все и всё, жившее для Бога, живет в Нем. Не для какого-то далекого человечества, не для неведомого будущего существовали все те, которые несли крест Христов в жизни своей и узким путем шли в жизнь. Они несли в собственном смысле слова *свой* крест, насколько любовь соединила их со Христом, и жили для Него одного, потому что в Нем было исполнение чаяний всего дохристианского человечества и в Нем же конец мировой истории. Он — Альфа и Омега, говоря образом Откровения, Начало и Конец, источник жизни и ее завершение. Не умерло все верующее и страдавшее человечество, все те, которые шли в жизни крестным путем, но лишь спят они, лишь почивали на время, ожидая нового незаходящего дня жизни в Царстве Христа. Те дела, которые творили они, не остались лишь на земле служить другим путем ко спасению, но эти дела пошли и идут за самими совершавшими их, идут как их неотъемлемое богатство, как их негибнущее сокровище. Не может вообще человечество не сознавать

своей связи с прошлым, не может не проникаться любовью к отцам, но и не может также чуткая совесть мириться с тем, что их нет уже, что все мы убийцы жизни прошлого, хотя бы и невольные и бессознательные. Любовь, соединяющая христианина с прошлым, совершенно чиста и безоблачна: смерти нет, ад побежден, все живы во Христе и не только достойны нашей любви, но и отвечают на нее невидимым служением одному и тому же Богу.

Так в отношении к прошлому. Во Христе же источник любви и к будущему. Перед лицом последнего мы стоим с такой же невозмутимой любовью, как и перед лицом прошлого. Будущее, бесконечно далекое будущее также есть наше, родное, близкое нам. Вера знает, что она переживет века, и счастье будущего человечества, его радость будет и нашим счастьем и нашей радостью, тем брачным пиром Сына Человеческого, на который призывается все человечество, без различия эпох и племен. В этом только Царстве, где "отрет Бог всякую слезу" (Откр. 7:17) с очей человеческих, только в нем может быть свет без кровавых пятен и радость без укоров совести. Я повторяю, что тайна не искупленных при жизни страданий, тайна неотомщенного зла, тайна неведения и греха остаются нераскрытыми до конца и для христианского сознания. Но надежда сияет ему, и надежда эта — Христос. Он знает, Он может и простить, и осудить. В этой надежде на Христа единственно непоколебимое основание христианского *покоя*, того мира, который принес на землю Господь, когда душа на Него возлагает все свои тревоги и заботы, Ему предает и себя и мир весь, и прошлое и будущее. В этой же надежде основание и христианской уверенности в своей работе. Мы все так или иначе мечтаем о будущем, далеком и светлом, все заботимся о завтрашнем дне, печалимся, хлопочем. Евангелие стоит выше всего этого. Оно зовет на работу в Царстве Христа, зовет на жертву будущему, но ничего не говорит своим последователям, что ждет мир впереди, завершится ли мировая история победой правды Христовой еще здесь на земле, или же торжество зла прекратится лишь на новом небе и новой земле. И когда люди гадают о будущем и восторженно верят, что правда и любовь победят на земле, то радуется с ними христианское сознание и благословляет работу на благо человечества. Но и когда скептический разум восстает против веры в мировую гармонию, отрицает прямолинейный нравственный прогресс и готов в будущем ожидать еще большего торжества зла и насилия, то и тут не смущается христианская совесть, веруя в новое небо и новую землю, где обитает одна правда и солнцем является Сам Христос (Откровение).

Так христианская надежда побеждает своим светом все призраки сомнений и возмущений совести при взгляде на процесс мировой истории. Тайна жизни не угнетает и не устрашает душу, но вдохновляет ее верой и надеждой на одного Владыку дней Христа. У Толстого есть одно превосходное место в рассуждениях о смысле жизни. Цель последней, по Толстому, бесконечно великая и далекая, сокрыта от человека. План всего домостроительства неясен для него. Но это не препятствует человеку участвовать в деле богочеловеческого строительства, когда человеку открыт ближайший смысл его жизни, работы Господней в мире, подобно тому как каждый отдельный рабочий может не знать плана всей постройки, но участвовать с пользой для дела в работе. Рабочий верит архитектору и надеется, что совместными усилиями многих рабочих дом будет построен; христианин верит Богу и надеется, что будет построен дом Господень из живых душ человеческих.

Вот то, что я хотел сказать о христианской вере и надежде, как они осмысливают и оправдывают жизнь. И разум, и сердце наши успокаиваются в Боге в надежде на то, что Сын Божий оправдает пути Свои, в убеждении, что "ни капля слезная, ниже капли часть некая", говоря словами нашей молитвы, не сокрыта от глаз Божиих. Он видит все зло мира и все доброе в нем; Он знает, что пшеница растет вместе с плевелами и последние заглушают пшеницу; но Он "медлит", Он ожидает, Он долготерпит, и в это время совершается какой-то таинственный и чудный процесс возрастания Царства Божия, возрастания на слезах, страдании, неправде, жертве, крови, т. е. на всем том, на чем и вообще растет жизнь на земле, но процесс такого возрастания, когда не будущее только является целью, но и каждое мгновение работы Господней имеет ценность непреходящую, и каждая личность живет для полноты своей собственной жизни, завершение и блаженство которой в Лоне Отца жизни и света.

IV.

Так вера и надежда определяют направление пути христианской жизни. От земли к небу, от сегодняшнего, временного к вечному и непреходящему. Нет постоянного жилища у христианина на земле. Сердце его там, где его сокровище. Там и радость его, и покой души, конец томлений, венец за страдания. Умалается любящий Христа, как дитя, доверчиво отдает своему Господу сердце свое, и силы свои, и немощи, и заботы свои маленькие и идет за Ним, куда Он его ведет. Падает на пути, не раз тонуть начинает в жизненном море, но видит вблизи себя Христа, к Нему протягивает руки, требует спасения и защиты и опять идет, опять влечется к нерукотворенному храму на небе. Очищает и возвышает душу такое всегдашнее томление по горнему, тоска по Богу, по родине. Легкими кажутся испытания жизни, велико утешение от веры и надежды в самые тяжелые минуты горя, единственно настоящего горя — потери любимых. На небе Христос, жизнь наша, победитель зла и смерти, Отец будущего века. Успокаивается в Нем сердце, влечется к Нему, радуется сиянию святой Его славы. "Придите ко Мне..., и Я успокою вас" (Мф. 11:28). Так сказал Господь, и неложно слово Его. Это засвидетельствовали все, которые шли ко Христу, которые "среди величайших страданий преизобиловали радостями" (2 Кор. 8:2) и достигали мира души, превыше всего другого мира. "Хорошо нам здесь быть" (Мф. 17:4), — радостно говорили ученики Христу, увидев свет преображенного Христа — край ризы Господней. "Со Христом быть много лучше" (Флп. 1:23), чем со всем миром,

утверждал человек, слышавший голос Христа и все считавший "тщетною" по сравнению с жизнью во Христе. Он — цель и свет жизни, Он — путь ее, Он же и самая жизнь. Все противоречия жизни кажутся разрешенными; величайшее самоотречение ведет к высшей полноте жизни, искреннее умаление — к возвышению; великие скорби претворяются в чистую святую радость. Христианское юродство оказывается силой, побеждающей мир.

Но не дано совершенной гармонии человеческой душе на земле; не мир лишь принес Господь на землю, но и огонь, и не небо назначил для жизни Своих учеников, но ту же самую землю, бедную и грешную, по которой шли люди до Христа и одинаково идут праведные и грешные, верующие и неверующие. Чем полнее сердце человека отдано Христу, чем дороже сокровище христианское на небе, тем крепче, тем более нерасторжимо прикреплена жизнь такого человека к земле. Странник он на ней и пришелец, томится по родине, по царству света и правды, но должен нести свой крест, исполнять свою миссию в мире. Уже было намеком указано, что любовь к Богу во Христе неотделима от любви к миру в Нем же, и это потому, что мир весь — Его творение, и Сам Он не только пребывает одесную Отца, но и на земле оставил Свой образ, кроткий и страдающий, в лице всех обездоленных в мире, в томлениях общечеловеческого сердца. Любовь к Богу — только через любовь к миру Божию, к земле, к людям. И это — источник новых испытаний христианской веры и надежды, и это — юродство самой любви христианина к Богу. Любовь — царица жизни. Ее воспевают и прославляют все, те даже, которые веру считают иллюзией и надежду — мечтательностью. Не преклоняется ли уже весь мир перед заповедью о любви до конца? Не знает ли каждый, что где нет любви, там нет и жизни? Не пел ли даже Ницше вдохновенные гимны любви к далекому, сверхчеловеческому, к миру силы и красоты? В области веры мы, называющие себя христианами, стоим как бы безоружными: тома написаны в доказательство существования Бога, но едва ли они кого-либо привлекли к Нему. Надежда христианская постоянно признается наивной мечтой. И трудно опровергать это, когда вся мировая история говорит, что Царство Божие остается "неприметным", что зло торжествует, что все умирают, и "нет преимущества у человека перед скотом" (Еккл. 3:19). В любви иное. Здесь не требовалось доказательств разума, здесь самые дивные мечты сливались с действительностью. Весь мир преклонился перед любовью. Каждый совестливый человек не мог не сознавать, что учащий любви, заповедующий ее — хорошо учит, воистину есть учитель человечества. В то время как образ Бога на Кресте для многих казался "соблазном", "безумием", образ любви на кресте привлекал сердца людей к вере в Бога-Любовь. Сознал человек свое ничтожество, свое безумие подставить ударившему по лицу другую щеку, отдать последнее неимущему. Но сознавал также, что воистину это путь света и радости жизни. Не есть ли любовь то высшее разумное начало жизни, тот ее свет, который скорее всего покоряет сердца и пленяет волю в послушание добру и правде? Разве не дела любви, милосердия влекли ко Христу толпы народа? Разве не Его слова о любви воскрешали сердца, уже точно умершие для жизни? Более ясного, разумного, всем доступного не могло быть ничего в учении миру, как заповедать ему путь любви в качестве пути спасения жизни. И однако, когда я буду говорить о любви, то буду продолжать с тем вместе свою речь о христианском юродстве. "Слово крестное юродство есть" (1 Кор. 1:18). А слово крестное — оно проникает все христианство. И любовь есть также юродство, как вера и надежда, и даже еще больше, насколько любовь повседневна, насколько она должна являться дыханием нашей жизни, всегда гореть в нас.

Любовь — юродство. Христианская ли только любовь? Нет, всякая любовь — юродство. Разве не юродство, разве не безумие, когда высшая красота растительного царства — цветок — рассыпается, умирает, чтобы дать жизнь потомству семян? Разве не юродство, что каждая мать всего живущего истощает всячески свою жизнь, чтобы вырастить свое дитя, и тем больше любит последнее, чем больше жертв, труда и отречения оно от нее требовало? Разве не юродство нежная забота старой няни о ребенке или самое величественное проявление любви в мире — благословение отходящего, умирающего молодому, растущему, сменяющему? Не безумна ли любовь отвергаемая, не ужасна ли любовь к недостойному ее, не глупа ли жертва любви без надежды спасти погибающего? И однако только там и любовь, где нет мысли о пользе, выгоде, награде, где совершенное самозабвение, самоотречение, где замолкает голос рассудка и утихает буря страстей. И если мир весь стремится к любви, то не значит ли, что есть у любви своя логика, что ее безумие имеет высший смысл, свое оправдание? Но теперь я не хочу говорить о любви вообще. Речь моя о любви христианской.

Такая любовь есть, прежде всего, любовь к Богу, как уже ясно из сказанного. Она — солнце христианской жизни, высший покой и радость сердца, ею определяется направление жизни, освещается весь ее путь. "Любящий не увидит в сердце своем ничего, кроме Бога" и "душа наша дотоле томится, не находя покоя, пока не успокоится в Боге". И, казалось бы, нельзя и представить более высокой, более идеальной формы любви и в то же время — более разумной, более естественной. Бог — все. Он высшая сила, могущество, красота, доброта. И страх благоговения, питаемый чувством своей малости и грешности; и бесстрашие сына, дерзновенно сознающего, что Бог — его Отец; и совершенное самоотречение ради Любимого, и полнота жизни в Нем — все совмещается во всеобъемлемости Предмета религиозной любви — в отношении человека к Богу. Но это отношение для нас не есть еще то, какого ожидаем, не есть отношение "лицом к лицу". Мы знаем лишь "отчасти", мы видим Бога лишь сквозь тусклое стекло, как бы в зеркале, говоря образами ап. Павла (1 Кор. 13:12), и это тусклое стекло — мир весь, и люди, и вся природа, и наша душа, такая всегда неясная, такая затуманенная. Любовь к Богу не рождается извне и спра-

зу. К ней ведет путь от земли к небу, от мира к Творцу, от сына-человека — к Богу, Отцу света. Чтобы принять и полюбить Бога, надо раньше принять и полюбить Его творения, мир весь в сложной икономии его жизни, человека всего в сложности его отношений. И здесь заключен глубочайший источник того юродства религиозной любви, которое во все периоды истории человеческой мысли вызывало бунт против Бога, против Его строительства жизни. Я не буду называть имен богоборцев различных времен и народов. Достаточно вспомнить одного Достоевского, чтобы понять, над какой бездной течет наша испытующая Божии пути мысль с ее всегдашним спутником — голосом христианской совести.

Задумавшись над источником нашей любви к Богу. Свет от света и любовь от любви. Так и любовь наша к Богу: “Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас” (1 Ин. 4:19). Это величественно простые слова апостола любви. Дитя отвечает любовью любящим его; язычники, т. е. люди, чуждые мысли о мире чисто духовных ценностей, любят любящих их. Христианин называет Бога Отцом, в Нем видит “Отца щедрот и всякия утехи”, видит, насколько мир отражает Бога и насколько Бог говорит миру в Единородном Своем Сыне Иисусе Христе. Что мир отражает премудрость и благодать Божию, — кто этого не знает? От боговдохновенного поэта-псалмопевца, слышавшего благодарение и восхваление Творца всей тварью, и от величайших философов, искавших оправдания веры в Бога от рассматривания мира, до последнего грубого язычника, благодарящего своего божка, все чувствуют и исповедуют эту Божию благодать. “Небеса проповедуют о славе Божией, и о делах Его рук возвещает земля” (Пс. 18:2). Это та мировая гармония, от существования которой всегда человеческая мысль искала прямого перехода к вере в Бога, премудрого Художника мира и Подателя благ. Но вся эта мировая гармония как бы в прах рассыпается перед слезами одного страдающего ребенка; хвалебные и благодарные гимны Творцу мира замолкают невольно перед видом горя и страданий. На тему об этом горе и об этих страданиях бесконечно много можно сказать, так как необъятно их царство на земле. Но потому самому и говорить излишне. Ужаса и необъяснимости страданий в мире никому еще не удалось победить. Рассуждения моралистов о великой “пользе” горя и страданий для души так же мало способны удовлетворить высшим запросам нашей совести, как и циничное “ядым и пием, утре бо умрем” (1 Кор. 15:32). И когда верующий подходит к вопросу страданий с верой в то, что и волос один не упадет с головы без воли Отца Небесного, то эта самая вера стоит перед страшной тайной: Бог всеблаженный — и творение Его страдающее, дитя Его страдающее; Бог всеблагий — и море скорби, печали; Бог всемогущий — и творение, жалко несовершенное; Бог, полнота жизни, — и царство смерти. Пусть я примирюсь со своим страданием как заслуженным и направленным к моему истинному благу. Но у всех теперь перед глазами страдания, “где ни человек не согрешил, ни родители его” (Ин. 9:3), страдания такие же тяжелые, как и незаметные, где для нашего близорукého взгляда не видно явления Божиих дел; страдания детей за вину отцов; горе и слезы за подвиг всей жизни служить долгу. Чтобы полюбить чистой любовью Отца жизни и мира, надо принять мир таким, какой он есть; через смерть видеть жизнь, через страдания — радость, через несовершенное — совершенство. Все это делает вера в Бога-Любовь, но самая эта вера стоит перед великой неустранимой тайной, требует преклонения перед тайной, всецелого предания себя Богу.

Библия, характеризуя отношения между Богом и человеком после падения последнего, оттеняет преимущественно ту сторону этих отношений, по которой человек сделался недостойным любви Божией, отвергнутым от общения с источником света и жизни и через это погруженным в волны страданий и смерти. Но эти отверженные грешники не переставали в Боге видеть своего Творца и Спасителя. К Нему неслись из всех страдающих грудей вопли о прощении, милости, спасении. Преклонялась вера перед Богом и неисповедимостью Его путей, но и жила надеждой на спасение от Него же. Книга псалмов — живой голос всех стремлений, сомнений и надежд верующего сердца, и как много там жгучей горечи от сознания этой богооставленности мира, какая бездна самоотречения должна была быть пройдена для того, чтобы привести верующего к преклонению перед путями Божиими. Трагедия душевной жизни не в том лишь была, что человек был бессилен загладить свой грех, сделаться достойным любви Божией, — но и бессилен в самом своем стремлении к этой любви до того мгновения, пока неискупленными оставались и все страдания мира, невычерпанным море слез. Истинное примирение с Богом могло совершиться лишь тогда, когда не только Бог мог возратить Свою любовь людям, но и люди могли пожелать свободно отдать свою любовь Тому, Кто до конца возлюбил их.

Евангелие отвечает на эти томления сердца великим откровением, что “Бог так возлюбил мир, что послал Сына Своего Единородного” (Ин. 3:16), послал в мир, чтобы до конца испить чашу возможного в мире унижения и страдания. Воплощение и страдания Сына Божия — это величайшая тайна и в то же время величайшее юродство Евангелия. Поистине “таинство странное” — видеть рождение Безначального, ограничение Абсолютного, страдания Всеблаженного, смерть Вечного. И однако в этом именно таинстве, в этом “безумии” веры евангельской источник всей христианской любви. Тайна эта оставляет под непроницаемым покровом вопрос о божественном всемогуществе, неизменяемости, всеблаженстве, но зато она солнцем жизни являет безмерную высоту любви Отца. “Бог есть Любовь” (1 Ин. 4:16), пусть только это свойство Бога открыто нам в “безумии” Евангелия, но это именно и есть тот свет, который согревает все сердца и влечет их ко Христу. Таинственность, “безумие” веры во Христа распятого безмерно превосходят для нашего разума все те трудности, какие не могли быть разрешены им в икономии тво-

рения, в факте страданий, смерти. Но сердце наше, наша совесть, высшие и внутреннейшие запросы души, — они успокаиваются во Христе и через Него в Боге, Отце людей. Можно верить и не верить во Христа, но нельзя, веруя в Него, не отдать любви своего сердца Богу любви. Остаются точно по-прежнему неискупленными детские слезы, бремя вины отцов на детских плечах, таинственность судьбы человека от самой колыбели. Но когда Евангелие говорит, что всеблаженный Бог родился в яслях, что на земле и Он плакал и страдал, то сердце преклоняется перед великой тайной путей жизни, успокаивается в мысли о Том, Кто с первых дней жизни изведаль нищету и человеческую злобу. Есть в небесах Тот, Кто может понять это горе, Кто смеет простить, говоря языком Карамазова. И весь ужас жизни, сплошной позор человеческой истории, безбрежность страдания — все это неизменно царит в мире, но они уже больше не являются преградами на пути влечения сердца к Богу. Чистая и благородная мысль человеческой души всегда, во все времена, во всех религиях и у представителей величайших философских систем умела постигать, что высшая мировая красота — в страдании добра; настоящее величие — в добровольном смирении, наибольшая сила — в видимом ничтожестве, и счастье — в жертве. Но все это не снимало гнета с души, все это казалось точно высокомерным пренебрежением к реальности людского горя и нужды до того момента, пока не воплотился Христос, пока опять-таки Бог всеблаженный не взял на Себя Самого всего бремени горя и скорби, когда встретил на земле полноту унижения, бедности, страданий, предательства со стороны людей. Только страданиями Богочеловека действительно открылось небо для земли, светлый путь любящего порыва души в объятия Отца. “Так возлюбил Бог мир, что послал Сына Своего Единородного”. Больше любви, чем явил миру Христос, никто дать не может, и преклонение мира перед Христом есть преклонение перед Любовью — Богом.

Так величайшая тайна и величайшее “безумие” евангельского слова о Христе распятом оказывается силой, побуждающей сердца и совесть людей, спрашивающих у Отца света о Его путях в мире. Юродство любви христианской в том, что она через великую тайну приходит к примирению с Богом (“Примиритесь с Богом” (2 Кор. 5:20), — умоляет ап. Павел). И если апостол с силой говорит, что ангелы лишь стремятся ее постигнуть (1 Пет. 1:12), то тем более несомненно, как беспомощно недостаточны наши усилия что-либо здесь сказать. Начиная с великого труда Ансельма “*Cur deus homo*” и вплоть до современных лучших апологетических трудов ум человеческий в своих попытках пояснить дело Божие лишь доказывал свою преданность идеалу Царства Божия на земле, готовность служить ему, но не мог переступить предела, ему данного, не мог тусклое стекло заменить зрением лицом к лицу. Но зато совесть и сердце успокаивались и радовались в сознании своего тесного, любящего единства с Богом. И теперь, если кто-либо скажет, что он не верит в Бога потому, что признает безумной мысль о Боге на Кресте, то спорить было бы бесполезно: вера есть свободная стихия души, владыками в которой могут явиться лишь Бог и сам человек. Но сердце и совесть знают и чувствуют всю силу своего упования и своей веры, и не может их смутить тот прием скептической мысли, когда она пытается набросить покров сомнения в этической ценности самого источника любви христианской веры в воплощении и страдании Христа.

В чем сущность, высший смысл того оправдания путей Божиих в мире, какое совершилось в факте Воплощения? Тот, без сомнения, что Бог явил Свою высшую любовь миру. В Своем Единородном Сыне Бог как бы так сказал человеку с его встревоженной совестью и больным сердцем: горе и страдания — удел человека на земле; зло и неправда царят на ней, добро поругано. Причина этого скрыта от людей до конца века, и пути Божии неисповедимы для них. Но пусть знает человек, сердцем познает, что не по недостатку любви и благодати Божией все это царит в мире до времени, что самая совершенная любовь не может и не должна изменить этого. Но эта любовь хочет разделить с детьми всю тяжесть их земного странствования и, “*понеже дети приобщилися плоти и крови, и Той приискренне приобщися техже*” (Евр. 2:14), воплотился Сын Божий, и с Ним “излилась любовь Божия на нас” (Рим. 5:5). Таков этический смысл одной, останавливающей на себе наше внимание теперь, стороны искупительного подвига Христа. И ясно, что если хотят унизить этот этический смысл, если хотят, как Ницше, посмеяться над веками истории и миллиардами сердец, славивших и благодаривших Бога за Его безмерную любовь к миру во Христе, то должны идти к этому не иным путем, как отрицанием или самого факта любви Отца в жертве Иисуса Христа, или путем отрицания права на такую любовь со стороны самих верующих.

В первом случае мысль останавливается на моменте страдания Иисуса Христа и признаются нравственно недопустимыми страдания Невинного за виновных и осуждается беспримерная жестокость Отца, пославшего Сына Своего в жертву за грех мира. Здесь нельзя не отметить поражающей противоположности, какая существует в этической оценке дела искупления у верующих и неверующих типа Ницше. Для людей веры воплощение Иисуса Христа, особенно же Его безмерные страдания, — это выражение высочайшей Божественной любви. Верующие с радостным восторгом всегда ели Тело и пили Кровь Своего Спасителя, благодарили Господа и славили Его за безмерную любовь, таинственно воспоминали непрестанно жизнь и страдания Господа в бескровной жертве Евхаристии. И для всех этих людей, любивших Христа больше мира и жизни, даже облачко сомнения не застилало светлого образа любящего Бога Отца. Между тем не любовь ли наиболее чутка и впечатлительна там, где дело идет о неправде или жестокости в отношении любимого? Я не хочу этими словами высказать убеждения, что все сомнения и волнения совести лиц неверующих являются искусственными, деланными, придуманными. Может быть, бывает и так, и не так. Но одно несомненно, что раз одно и то же явление может само по себе вызывать такие про-

тивоположные до конца суждения совести, то ясно, значит, что явление это очень сложно. Высшую таинственность процесса нашего искупления Христом Спасителем ярко отмечает и Евангелие, и вообще весь Новый Завет. Большой тайны быть не может. Но мы знаем и верим, что наша ограниченная жизнь является все же отображением жизни высшей и совершеннейшей; наше ограниченное знание все же может восходить от видимого к невидимому и хоть сквозь тусклое зеркало видеть мир духовный; наша ограниченная тайна жизни может все же до известной меры отображать тайны мира Божественного. Такова наша любовь, такова наша совесть. И когда последнюю хотя бы уверить, что исповедуемый ею Бог не есть Бог-Любовь, но Бог-жестокость, то совесть наша не стоит безоружной перед такими суждениями, в мире своей жизни она видит и ценит то, что таинственно высоко раскрывается в мире Божественного домостроительства.

Говорят о жестокости Бога Отца "в самой отвратительной, в самой варварской форме жертвы невинного за грехи виновного" (слова Ницше — "Антихрист", § 41). Для людей веры это не только неприемлемо, но просто непонятно. Учение о Святой Троице с нравственной стороны есть, прежде всего, учение о Боге-Любви, о теснейшем нерасторжимом единстве всех Трех Лиц "Я и Отец — одно" (Ин. 10:30), — сказал о Себе Христос при самом наступлении часа Своих страданий. Не может быть любви Бога Отца без любви Бога Сына и жестокости Одного без жестокости Другого. И если по человечеству Христос до известной меры противопоставляет Свою волю воле Отца, то здесь выступает и всецелая свобода Сына Человеческого. Жертва Его не есть жертва безответного раба, но жертва свободная, жертва личной любви, всецело предающей себя Богу Отцу и всецело отдающей себя людям. "Потому любит меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и имею власть опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего" (Ин. 10:17–18). Согласитесь, что в этой, собственно евангельской, перспективе нельзя увидеть ничего, что бы возмущало нашу совесть, кроме, единственно, ослепленного злобой мира, распявшего такую Любовь.

Но смерть Невинного за грехи виновных, волнуется Ницше, — разве это не есть нарушение всех законов правды, верх жестокости? Апостол, однако, думал иначе: "Любовь Божия излилась в сердца наши", — говорит он (Рим. 5:5). И в чем же она выразилась? В том, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками, умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника... Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Вот пример противоположного суждения об одном и том же факте ученика Христова и того, кто сам себя называл антихристом. И наша совесть без тени колебания может стать на сторону суждения первого, человека, любившего Христа больше жизни своей. И не потому лишь признать истину в словах апостола, что для каждого верующего эти слова имеют исключительный авторитет, но и потому, что иначе совесть наша никогда не судит. Раз отпадает понятие о жестокости Отца, а речь идет о свободном самопожертвовании Сына по воле Отца, то вопрос о смерти Невинного за грешного получает тот высший смысл самоотречения любви, которое является ее первым законом. Большой любви нет, как та, когда кто-либо полагает жизнь свою за любимого. И если на протяжении многих веков истории, среди доносящихся из нее стонов обиженных и наглого смеха торжествующих, слышатся действительно великие слова и сияют истинно человеческие дела, то имена этих пророков и праведников в громадном большинстве случаев неотделимы от представления великих жертв, принесенных ими в мире. И эти жертвы еще более повышают их ценность в глазах тех, которые уже живут плодами их трудов и жертвами их любви, вызывают ту особенную благоговейную форму любви, которой человеческая совесть всегда окружает мучеников идеи. Можно, пожалуй, решиться на такое обобщение, что удел добра и добрых страдать в жизни, страдать лучшему для худшего, совершенному для несовершенных. История христианства знает это, особенно при воспоминании первых веков и подвигов христианского миссионерства во все века. Но это ясно и вообще для каждого, не исключая лиц, возмущающихся в жертве Голгофской страданиями и смертью Невинного. Разрешите привести слова Ницше, где он говорит о своей любви к тому именно, кто гибнет для блага будущего человечества: "Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть... Я люблю тех, кто приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека... Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю..., ибо так хочет он своей гибели. Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя... Я люблю того, кто свободен духом и свободен сердцем, так что голова его есть только внутренность сердца его, а сердце его влечет его к гибели". Так говорит Ницше словами Заратустры, и эти слова напоминают новозаветный гимн любви, полагающей свою жизнь за спасение мира. Не миллионы только простых верующих сердец в умилении поклонялись безграничной любви, страдавшей за человечество, но и сам Ницше в минуту высокого поэтического вдохновения не мог мыслить спасителем человечества никого другого, как только самого лучшего, самого чистого, самого богатого душевно и самого самоотверженного в мире. И воистину только такой мог спасти человечество и только такому могло быть свободно отдано сердце человека.

Христос умер, чтобы жил человек. Искупление человека от греха, проклятия и смерти, удовлетворение правды Божией, примирение человека с Богом и все другие понятия, которыми выражается великая тайна спасения — с нашим бедным языком, все эти понятия включаются в одно общее — рождение нового человека, оживотворение мертвого грехом. Иисус Христос есть Второй Адам (1 Кор. 15:45), родоначальник нового, спасенного Им человечества.

“Восхотев, родил Он нас словом истины” (Иак. 1:18), все верующие являются возрожденными не от тленного семени, но от нетленного (1 Пет. 1:23). Это рождение нового человека и совершено Крестной Смертью и Воскресением Иисуса Христа. Все человечество до Христа представляется мертвым вследствие своей греховности и отверженным от любви Божией (Кол. 2:13; Еф. 2:1). До Христа все человечество жило настолько, насколько было предызбрано ко спасению во Христе (Евр. 11:40; Деян. 13:48), и после Него только верующий во Христа имеет жизнь в себе (Ин. 3:36). “Христос умер за всех” (2 Кор. 5:15), “умер за грехи наши” (1 Кор. 15:3) и явился источником новой, неумирающей жизни в человечестве (1 Фес. 4:14). Все в мире рождается от крови и плоти; все живет жертвой и самоотречением других; всякая жизнь утверждается на умерших уже поколениях, растет по смерти. Болезнями, страданиями и смертью Христа рождено и новое человечество, и живет оно, питаясь от Крови и Плоти своего Родоначальника. Крестная смерть Иисуса Христа есть та жертва любви, без которой не может быть жизни на земле, великая жертва любви Творца мира и Отца людей, соединившая этой любовью человека с Богом и являющаяся источником вечной жизни.

В этом сущность процесса нашего спасения во Христе, и здесь же ответ на вопрос о праве человека на такую жертву, о праве его пить Кровь и есть Тело своего Спасителя. Довольно красиво звучат фразы людей, говорящих с гордостью, что они не намерены получить жизнь и спасение, купленное такой дорогой ценой, что их нравственное чувство не способно мириться с сознанием того, что наше благо является плодом величайших страданий и величайшей неправды в мире. Но эти слова — или красивая поза, объясняющая свое неверие, или же они результат недостаточного понимания отношения спасенного к Спасителю по евангельскому учению. Прежде всего, о праве здесь вообще говорить трудно. Как можно говорить о том, имеет или нет дитя право на жертвы родительской любви? Это есть ее дар, как и спасение во Христе есть дар Божественной благодати. На этот дар сердце верующего отвечает детской любовью и сознанием высокой ответственности перед Спасителем. Нравственное чувство действительно говорит о безмерно дорогой цене, какой куплено для нас право называть и сознать Бога Отцом, и это чувство является основой того отношения христианина к Спасителю, которое исключает речь о том, что мы лишены права на плоды такой жертвы. То верно, что дар Божественной благодати подается ради Иисуса Христа по вере в Него независимо от дел человека (Рим. 3:20–28). Но это не только не исключает такие дела, но предполагает живую неразрывную связь Спасителя со спасенным, союз любви между ними. А любовь дает право на всякую жертву, и та же любовь налагает обязанность также всякой жертвы. Союз любви — это тот, где любящий одновременно и принимает дар, и от себя приносит дары. Такой союз и у христианина со Христом. Христос дал миру полноту той любви, какую один может дать всем. И мир христианский принял эту жертву любви, в ней имеет залог вечной жизни. Но, по глубоко верному суждению одного современного богослова, Кровь Христа не есть только теплый ласкающий дождь, омывающий душу и успокаивающий совесть человека. Но эта Кровь, вся Голгофская жертва Христа обязывает нашу совесть и волю нести крест Христов, идти по Его стопам, являться в мире Его последователями, носящими и Христово поругание. Нельзя забывать этой внутренней нравственной стороны дела нашего искупления, которая с такой глубиной и последовательностью раскрыта апостолом Павлом. Разрешите привести несколько мест из его посланий, в которых он говорит об отношении спасенного к своему Спасителю. *“Любовь Христова объемлет нас, — пишет ап. Павел, — рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего”* (2 Кор. 5:14–15). *“Но те, которые Христовы, распяли плоть свою со страстями и похотями”* (Гал. 5:24). *“Вы умерли, и жизнь Ваша сокрыта со Христом в Боге... Итак, умертвите земные члены ваши..., совлекишись ветхого человека с делами его и облечись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его”* (Кол. 3:3, 5, 9–10). *“Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание, ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего”* (Евр. 13:12–14). Подобными мыслями полны все послания ап. Павла, и сущность их, как ясно видим, в том, что любовь, соединяющая христианина со Христом, делает первого всегда участником жизни Христовой, Его страданий, смерти и, конечно, последующей славы: *“Если с Ним страдаем, с Ним и царствовать будем”* (2 Тим. 2:12).

То Таинство Св. Крещения, которое служит дверью в Церковь, это Таинство является символом смерти христианина со Христом для новой жизни во Христе и для Христа. И получается высшая гармония любви. Христос умер за нас, и каждый христианин должен умереть ради Христа, чтобы жить в Нем. Умереть для греха, эгоизма, самоправедности, возненавидеть жизнь свою в мире, жертвовать самыми высокими привязанностями ради служения Божьему Царству, переносить все невзгоды и страдания за исповедание словом и жизнью своей веры — такой христианин не может не сознать, как ап. Павел, что он реально умирает за Христа и через это становится Его учеником и наследником. *“Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня... И кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня”* (Мф. 10:37–38). *“Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником... Кто не отрешится от всего, что имеет, тот не может быть Моим учеником”* (Лк. 14:26, 33). Такие сильные слова произнес Христос. Можно было бы скорее сказать, что от христианина требуется чрезмерно большая жертва ради Христа, если бы эта жертва возлагалась внешней волей, а не вытекала из самого существа жиз-

ни любви, из глубочайшего единения, проникающего всю жизнь любящих. Если можно употребить слово "право" для характеристики отношений человека ко Христу, то ясно, что такое право на плоды жертвы Христовой также "покупается" дорогой ценой всецелой самопреданности человека своему Спасителю.

В Библии есть удивительное повествование о высочайшем испытании любви. "Бог сказал (Аврааму): возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во все-сожжение" (Быт. 22:2). И этот предтеча любви христианской три дня вел сына своего на жертву любви к Богу и лишь на третий день увидел милующую руку Божию. Небесный Отец пожалел Свое любящее дитя и оставил Исаака Аврааму. Через много веков та же Библия говорит о новом величайшем испытании любви Отца от Гефсиманской молитвы до того единственного в мировой истории по ужасу мгновения, когда на Кресте Христос воскликнул: "Боже мой, Боже мой! для чего Ты Меня оставил?" (Мф. 27:46). Здесь не было последнего снисхождения любви, здесь была истинно величайшая жертва любви Отца к Своему погибающему творению. И этот крик, этот мировой вопрос остался без ответа, как бы неслышанным, а эта единственная жизнь закончилась преданием себя в волю Отца (Лк. 23:46) — совершенной самопреданностью Сына Человеческого Богу Отцу. После этого мгновения все человечество во Христе получило право "со дерзновением неосужденно" призывать Небесного Бога как своего Отца, с этого же мгновения жизнь человека нераздельно слилась с жизнью и жертвой Христа.

И здесь ясно выступает великий нравственный смысл второго величайшего Таинства Христианской Церкви — Евхаристии. Апостол Павел говорит, что кто ест Тело Христово и пьет Кровь Его, все те, которые причащаются великой Голгофской жертвы, все они смерть Господню возвещают, пока Он придет в Своей славе, все они жизнь свою отдают Тому, Кто и дал им и снова отдаст с избытком. "А кто ест и пьет недостойно, тот суд себе ест и пьет" (1 Кор. 11:26, 29). Это также закон любви. Нельзя принимать любовь и не отвечать на нее любовью, это поистине безнравственно, нечестно, неблагородно. Судьей здесь может быть только совесть человека.

Она, по словам того же апостола, искушает человека, испытывает его. Но морально несомненно, что право на высшую любовь дает также единственно ответная любовь. Пусть недостаточная, колеблющаяся, детски несовершенная, но все же детски чистая, детски искренняя любовь. И тогда эта любовь имеет право пить Кровь своего Спасителя и через это становиться одно со Христом, храмом Его, членом Тела Его — таинственного Тела Церкви Христовой. Об этом таинственном Теле как новом источнике собственно христианской любви и новом проявлении ее юродства и ее силы должна быть особая речь. Но пока я касаюсь лишь любви к Богу с ее неисследимыми глубинами тайны и силы.

До сих пор мы останавливались на тех страданиях сердца и совести человека, которые вытекали из отсутствия гармонии в мировой жизни, из великого испытания христианской любви перед лицом горя и страданий твари. Только у подножия Креста Христова может успокаиваться сердце верующего в Бога-Любовь, только безмерными страданиями и Кровью Христовой открыто сердце человеческое для принятия Божественной любви. И мы видели уже, что любовь, отданная Богу через Христа, ведет человека к надежде, высшей и умиротворяющей, к вере в царство вечного света и правды, ведет ко Христу Воскресшему, Царю славы и Отцу будущего века. Это есть высший свет христианской жизни и ее высшая гармония. Но этот свет, эта гармония и надежда все так же неизменно носит на себе печать ограниченности, свойство знания лишь "отчасти", созерцания сквозь тусклое стекло и гадательно. А вместе с этой ограниченностью заключают в себе же источник нового испытания нашей любви ко Христу, нашей веры в совершенную гармонию.

Это — учение Евангелия о последнем суде, предшествующем прославлению верующих в Царстве Христовом и вечным мучениям грешников. Кроткий лик Христов, полный всепрощающей любви на Кресте, дополняется в этом учении образом Судии мира, дарующим победные венцы праведным и отгоняющим от Себя грешных в область царства вечной тьмы и мучений, и здесь-то новое препятствие на пути человека к любви Небесного Отца, которое во все века волновало сердца испытующих пути Божии в мире. Каждый, знакомый с опытами построения христианской богословской системы, знает, конечно, что с первых веков христианства и до наших дней не прекращались попытки так или иначе смягчить это учение. Создаются теории апокатастасиса, когда в данных самого слова Божия стремятся найти указания на то, что "вечность" мучений имеет относительное значение, что настанет время, когда зло окончательно будет упразднено, и Христос предаст Свое Царство Богу и Отцу в сиянии одного света и чистой радости. Даже представитель всякого зла и лжи — диавол — выступает в таких представлениях способным к покаянию. По другому, также смягченному, представлению, зло будет побеждено переходом его в небытие, когда, следовательно, радость сердца победивших со Христом не будет терзаться мыслью о страданиях и зле целой области бытия. Я не буду излагать этих теорий, так или иначе смягчающих яркость евангельского учения, и тем более не буду критически оценивать их с точки зрения богословско-экзегетической. Отмечу лишь то, что самое возникновение подобных богословских гипотез со всей несомненностью говорит, как трудно нашему разуму и нашей совести поклониться перед тайной будущей жизни, насколько она открыта в Евангелии. Мысль наша не может мириться с понятием вечности зла и страданий в мире, когда представляется неосуществленной мировой гармония. Мысль говорит, что победа царства свободы не будет полной, пока останется область, связанная грехом и страданием. А совесть наша не может представить чувства безоблачной радости и торжества души пе-

ред лицом горя и скорби хотя бы одного живого сознательного существа. Психологически становятся вполне понятными все попытки приблизить евангельскую тайну к нашему пониманию, и если эти попытки могли дать мир когда-либо смущающемуся сердцу, то, быть может, и этически они не заслуживают осуждения. Но, однако, недостаточность их чересчур очевидна. Я не говорю уже о том, что для каждого члена Христианской Церкви является обязательным следование общецерковному учению, которое буквально поняло откровение о вечности мучений. Достаточно без всякого предубеждения и всякого толкования прочитать Евангелие, чтобы понять раз навсегда, как искусственно дополняется и изменяется евангельское слово всеми попытками смягчения и перетолкования возвещаемого им учения о будущей жизни. В этом пункте, как и везде, Евангелие говорит просто, определенно и выразительно. Евангельские места этого рода настолько общеизвестны, что, я полагаю, излишне их здесь и приводить. Но не остановиться на них невозможно.

И наша мысль, и наша совесть бессильны постигнуть эту тайну Божьего суда, край завесы которой приподнимается в Евангелии. Наши ум и совесть поражаются так же, как и возвещаемой истиной о долге совершенного самоотречения, ненависти ко всему близкому и дорогому, ненависти к самой жизни своей, и никакие истолкования, никакие смягчения этого учения неспособны успокоить сердце; покой его всегда в одном — в Самом Христе, и путь к этому покою также один — совершенное самоотречение, преклонение перед юродством проповеди евангельской. В Евангелии сказано, что грешники идут в муку вечную. И душа верующего преклоняется перед откровением Того, Кто Сам есть воплощенная Любовь, Кто больше сердца нашего, зная, что суд Его праведен есть. И предает себя также душа Богу Судии так же, как и Богу Спасителю своему. Не моя забота согласовать правду Божию с любовью, не моя забота о мучениях Божиих творений до тех пор, пока в сердце живет вера, что есть Большой меня, Знающий и Печалющийся. И сердце наше успокаивается во Христе, зная, что судить мир будет Он же, Тот Самый, Который со Креста молился за Своих врагов. И все верующее человечество в этой своей преданности Христу подобно опять-таки отцу всех верующих — Аврааму. Я приводил библейские слова, говорящие о всецелой преданности его Отцу своему. Уже нож был занесен над любимым сыном, когда Бог усмотрел Себе иного агнца. И эта всецелая преданность веры, конечное самоотречение согревались лишь смутной надеждой, как свидетельствует апостол, что Бог и из мертвых может воскресить Исаака. И каждый христианин, верящий Христу, не может не признавать всей реальности такого великого судного дня и не преклоняться перед частичным откровением этой тайны. Но и не может не сознавать верующий христианин, что только край завесы приподнят, что и "на сердце человеку не всходило" (1 Кор. 2:9), какими будут пути Божии по кончине нынешнего века. Вера знает, что слово Божие — свет и истина, и суды Божии — правда и любовь. И это же вера знает, что пути Божии не то же, что пути человеческие. Непреложным остается Божественный приговор о смерти всего живущего; но воплотился Христос и дал жизнь всей твари; осталось исполненным веление Божие Аврааму, но Бог усмотрел Себе иного агнца. Остается непререкаемой истиной слово Христово о вечной радости и вечных мучениях людей за их кратковременную земную жизнь, но вся полнота тайны остается неоткрытой нашему уму и совести этим частичным откровением. И если каждый верующий для себя лично не может не сознавать всей реальности будущего наказания, то за других он может быть покоен, насколько верит в превосходящую разум любовь Христову. И потому вера всегда предает и себя, и друг друга Христу Богу своему.

Свою речь о юродстве христианской любви я могу, по существу, заключить теми же словами, что и речь о юродстве христианской веры и надежды. Юродство этой любви в том, что она всецело отрекается от себя, отрекается даже от всех видимых проявлений к себе любви Божией, мирится с тем, что одна участь верующего и неверующего, любящего и не любящего Бога. И сила этой же любви в том, что, говоря словами апостола, "ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8:38-39). В своей любви христианин так же, как в своей вере и надежде, безумно отрекается от всего, чем люди живы, чтобы приобрести одного Христа и в Нем найти жизнь и радость любви.

Примечания

- 1 Доклад, читанный в закрытом собрании Киевского Религиозно-философского общества.
- 2 Подробно см. в моей книге "Учение Древней Церкви о собственности", Киев, 1910 г.
- 3 Евангелие Иисуса Христа перед судом Фр. Ницше.

Текст печатается по журналу "Христианская мысль", 1916, № 1, с. 63 — 86; № 2, с. 53 — 67; № 3, с. 28 — 43.